

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА

ТЕРСКОЕ
КАЗАЧЕСТВО

М.А. КАРАУЛОВ

Михаил Александрович Караулов
Терское казачество
Серия «История казачества»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6028838
Терское казачество / Михаил Караулов.: Вече; Москва; 2007
ISBN 978-5-9533-2086-3

Аннотация

Первое упоминание о терских казаках относится к XVI веку. Их отдаленными предками были гребенские казаки, поселившиеся на реке Сунже в конце XV – первой половине XVI века и присоединившиеся к ним в XVI веке переселенцы с Дона. Официальной датой основания Терского казачьего войска считался 1577 год, когда гребенцы успешно оборонялись от крымских татар в Терском городке близ устья реки Сунжи.

Книга атамана Терского казачьего войска генерал-майора Михаила Александровича Караулова, впервые изданная в 1912 году под названием «Терское казачество в прошлом и настоящем», рассказывает об истории терского казачества и ратных подвигах русского воинства во славу Отечества.

Содержание

Вступление	4
Часть I	6
I. Значение слова «Казак»[1]	6
II. Начало казачества	10
III. Казаки восточные – городовые и вольные	15
IV. Казаки Западные – Днепровские	24
V. Казачьи походы	29
VI. Историческое значение казачества. Оборона границ и расширение пределов	35
VI. Историческое значение казачества. Присоединение Малороссии	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Михаил Караулов

Терское казачество

«Если казаки могут быть названы привилегированным сословием, то привилегия их заключается в том, что они стоят в первом ряду Государевых слуг...»

Гр. Д.А. Милютин. «Объяснения Военного Министра и замечания Министра Внутренних Дел». В 1873 году

*Дам тебе я на дорогу
Образок святой...*

М.Ю. Лермонтов. Казачья колыбельная песня

Его Императорскому Высочеству, наследнику цесаревичу и Великому Князю Алексию Николаевичу, августейшему атаману всех казачьих войск, в знак искренней и беспредельной преданности посвящает свой труд Автор

Вступление

Почти четыре века миновало с того времени, как впервые появилось на Тереке казачество. Много с той поры утекло воды, много пролилось и крови... Три с лишком столетия понадобилось для того, чтобы из малой горсти первых удальцов – Гребенских казаков выросло современное Терское Войско, единое в своей множественности. Гребенцы, Низовые Терцы, Аграханцы, Терцы-Семейцы, Кизлярцы, Волгцы, Моздокцы, Горцы, Владикавказцы, Сунженцы – все это отдельные цветы в ярком венке славного Терского Войска, являющегося наследником лихого Кавказского Линейного Войска; все это одна семья, крепнувшая и развивавшаяся из поколения в поколение.

Проникнутые пламенной верой в Бога и Его всемогущее покровительство, беззаветно преданные Престолу Самодержавных Царей Русских, горящие самоотверженной любовью к великому Отечеству нашему, сильные столько же духом, сколько и телом, наши прадеды и деды «с громом битвы и победы шли вперед за шагом шаг», неудержимо стремясь «двинуть далеко предел порубежный и твердою грудью заслонить своей»... «Смерть и раны презирая, деды в смертный час и нам свой завет передавали, чтоб идти по их следам», «храбро, весело, отважно чтоб Царям всегда служить и чтоб прадедовской славы нам во веки не забыть»...

Напомнить наше славное боевое прошлое, указать на непрерывную тесную историческую связь, на общность духа, работы и целей всего Российского Казачества «до Урала, до Алтая, до Амура... от Днепра», разбудить задремавшую казачью мысль, раздуть в сердцах казачьего юношества и взрослых поколений тлеющие под пеплом исторических наслоений искры священного огня, искры казачьего духа, – ставил своей задачей автор, глубоко убежденный, что жив еще этот казачий дух, еще не умерла казацкая доблесть, еще не погибло казачество, еще не сказало оно своею последнего слова...

И наша громкая прадедовская слава, добытая дорогою ценою беспримерных трудов и лишений, омытая целыми потоками своей и вражьей крови, пусть ярко сияет путеводной звездой и для подрастающих наших поколений, пусть знают они и чтут ее, пусть будут ее достойны!..

Пусть свет прошлого озарит нам настоящее!.. Пусть пробудившаяся казачья мысль, как и в былое время, соберет нас во единый казачий круг и укажет нам путь к исполнению до последнего конца лежащей на Казачестве исторической задачи!..

И пусть знают наши друзья и недруги, что есть еще порох в наших пороховницах, еще не притупились казацкие сабли, не ослабела еще казацкая сила, еще не гнутся казаки!..

А сами мы, видя яркий свет у себя в прошлом, будем, не смущаясь настоящими невзгодами, смело и бодро, с сознанием своей силы и святости своего великого дела, смотреть вперед, памятуя всегда, что с нами – Бог, над нами – Царь, а за нами – Русь Святая!..

Подъесаул М.А. Караулов 2-й

Часть I

Казачество

*Богатырь ты будешь с виду
А казак душой...*

I. Значение слова «Казак»¹

Слово «казак» несомненно не русского происхождения. Надо думать, что на Русь занесено оно татарами, так как ни в каких документах и книгах мы не находим его в первые века русской истории, до татарского нашествия.

Слово это давало повод различным ученым и исследователям строить самые разнообразные догадки для выяснения его происхождения и первоначального значения. Некоторые пытались сопоставить его с названием племени Касогов, живших в IX–XI веках в предгорьях Северного Кавказа, и с Казахией², пограничной грузинской областью, упоминаемой еще византийским историком X века Императором Константином VII Багрянородным, и с Казарами, жившими на низовьях Дона и Волги в VIII–X веках. Производили это слово и от турко-татарского слова «коз», что значит «гусь», и от монгольских слов «ко» (т. е. броня, латы, защита) и «зах» (т. е. межа, граница, рубеж), откуда «козах» должно бы означать – «защитник границы». Историк Голубовский считает это слово половецким, и по его предположению оно означает «страж», почему казаками должны были называться передовые бойцы. Однако же, несмотря на все старания ученых, вопрос о происхождении слова «казак» остается все еще спорным и неясным.

Оставляя в стороне то значение, которое имело и имеет³ интересующее нас слово в языках различных азиатских народов, мы рассмотрим случаи употребления его в русских исторических памятниках и постараемся выяснить, с каким значением это слово перешло в русский язык.

Нетрудно при этом заметить, что уже на первых порах слово «казак» в русском языке употребляется то в общем смысле «бездомника» (даже иногда изгнанника), то в более узком значении «одинокого вольного человека», служащего по доброй охоте государству или отдельным его членам.

Когда в 1476 году Крымский хан Менгли-Гирей был изгнан из Крыма Ахметом и место его получил хан Зенебек, который, видимо, не считая свое положение вполне прочным, обратился к Московскому Великому Князю Иоанну III с просьбой дать ему в Москве убежище в случае изгнания из Крыма, то Иоанн отвечал: «Прислал ты ко мне своего человека, который говорил, что если, по грехам, придет на тебя истома, то мне бы дать тебе опочив в своей земле. Я и прежде твоего добра смотрел, когда еще ты был казаком⁴; ты и тогда также ко мне приказывал, что если конь твой будет потен, то мне бы тебе в своей земле опочив дать. Я и тогда опочив в своей земле давал тебе и нынче добру твоему рад везде; каковы твои дела

¹ При подготовке книги М.А. Караулова к переизданию редакция в большей части текста сохранила орфографию и пунктуацию начала XX века.

² Ныне татарское сел. Казах, Елисаветпольской губ., в Закавказье.

³ Так, в Туркестане «казак» означает вообще всякого кочевника, а киргизы сами себя называют не иначе, как только «казаками», причем также их называют хивинцы и бухарцы; у осетин и балкар (горных татар) казаками назывались пленные рабы, и т. д.

⁴ Т. е. в данном случае, лишенным «дома», трона, законных прав.

будут после, и захочешь у меня опочива, то я тебе опочив в своей земле дам, и истому твою подниму». В 1591 году Крым требовал от Москвы выдачи поступившего на московскую службу крымского царевича Пашай-мурзы, бежавшего из Крыма «в нужде казачеством». Тоже значение бездомника, бесприютного бродяги-кочевника, лишённого своего крова и прав, человека без роду без племени, находим мы в грамоте царя Феодора, посланной бывшему Сибирскому царю Кучуму в 1597 году: «...Мы, Великий Государь, хотели тебя пожаловать: устроить на Сибирской земле царем, а племянник твой Магомет-Кули устроен в нашем государстве, пожалован городами и волостями по его достоинству, и служит нашему Царскому Величеству. А как ты казаком кочуешь на поле с немногими людьми, то нам известно. Ногайские улусы, которые кочевали с тобою, на которых была тебе большая надежда, от тебя отстали; Чин-Мурза отъехал к Нашему Царскому Величеству, остальные твои люди от тебя пошли прочь с двумя царевичами, а иные пошли в Бухары, Ногаи и в Казацкую Орду⁵; с тобою теперь людей немного, – это нам подлинно известно; да хотя б с тобою было и много людей, то тебе по своей неправде против нашей рати как стоять! Знаешь и сам, какие были великие мусульманские государства Казань и Астрахань: и те отец Наш, пришедши своею Царскою персоною, взял; а тебе, будучи на поле и живучи казаком, от нашей рати и огненного боя как избыть...»

Наряду с приведенным выше общим значением, мы встречаем слово «казак» и в другом, более узком смысле. В этих случаях казаками называются вольные служилые люди, наймиты, батраки, стражники, отнюдь не холопы, не рабы или крепостные; люди, служащее по собственной доброй воле, а не по принуждению. Во время борьбы Царя Ивана IV с Казанью ногайский хан писал ему (по получении богатых подарков): «Я твой казак и твоих ворот человек; братству моему знамя (доказательство) то: захотят младшие мои братья или дети в вашу сторону войною идти, то я, если смогу их унять, уйму, а если же не смогу их унять, то к тебе весть пошлю».

Еще и в наши дни в Северо-Восточной Руси словом «казак» обозначается работник, человек, смотрящий за хозяйством другого и не имеющий своего. Такое же значение мы находим и во многих документах XVI века: так, в уставной грамоте великого князя Василия крестьянам Моревской слободы: «Плавить им дрова и хоромной лес реками, и им и козаком их мыта и явки не давати». В жалованной грамоте Троицкому Сергиеву монастырю 1534 года говорится: «Кто у них станет жить у соли у варницы и в дворах, повара и водоливы и всякие козаки, наместники наши, и волостели, и тиуны их тех людей не судят; а которые козаки приходцы порядятся жить за монастырем в варницы, в повара, водоливы, дрова рубить и возить и всякое дело делать, – таким являться к нашим наместникам».

В 1582 году какой-то Тереха Ситников подрядился доставлять из Нижнего в Астрахань хлебный запас в 2500 четвертей муки и толокна; ему дана была грамота, по которой его всюду пропускали беспошлинно и без задержек, а потому, если кто-либо на запасчика (подрядчика) или на людей его попросит пристава или казаки его, не желая идти у него на суда, станут на нем или на людях его чего искать или чем его клепать, то бояре и воеводы не должны давать на него и на его людей пристава и суда, а судиться им в Москве в Боярской Думе; вместе с тем боярам, воеводам и дьякам воспрещалось Терехиных казаков верстать в стрельцы и в казаки. Царю Борису Годунову Верхотурские стрельцы, казаки, пашенные крестьяне и ямские охотники жаловались на своеволие начальства: держат-де они по найму для своей нужды, для пашни и для гоньбы ярыжных казаков, дают им найму по три рубля с полтиною и по четыре рубля на лето, кроме того, что они едят и пьют у них; но этих казаков берут у них воевода и голова на царские изделия (работы); кроме того, воевода и голова

⁵ См. выше примечание 2-е.

нанимают к казенным баням ярыжных казаков, дают им найму по четыре и по пяти рублей, и эти деньги, а также и деньги на банную поделку велят собирать с их ярыжных казаков.

В двух последних примерах мы уже видим различие казаков-батраков (ярыжных, торговых) от казаков-воинов, служилого военного сословия, возникшего на Руси по примеру и образцу татарских казаков.

Татарские орды, окружавшие Русь с юга и востока в XV–XVI веках, не представляли собой однородной массы. В зависимости от происхождения, знатности и богатства они делились на три различных класса: мурз-князей, из рядов которых выходили и ордынские цари, уланов среднего сословия и казаков низшего сословия, наименее обеспеченного и соответствовавшего пролетариям древнего Рима, которые оценивались по своему имущественному положению только в одну «голову» (*capite censi*), за отсутствием другого ценного имущества. В то время, как мурзы предводительствовали огромными отрядами, доходившими до нескольких десятков тысяч человек, а уланы выходили на войну в сопровождении целой толпы слуг и рабов, – казак вылетал в поле «гол как сокол». Много добра сулила ему битва и война, а терять было нечего, так как ничего у него не было за душой, кроме коня, оружия да «удалой башки»... да и та непрочно сидела на буйных плечах в то суровое и ненадежное время, когда жизнь человеческая шла ни во что...

Татарские казаки неоднократно упоминаются в наших летописях и других исторических документах. Так, мы знаем, что Великий Князь Василий Иоаннович пожаловал татарскому царевичу Абдыл-Летифу поместье в Юрьеве, причем взял с него присягу на верность службы и обязательство «не принимать от других царей и царевичей, которые будут в Московском государстве, уланов, князей и казаков, хотя бы они прежде ушли от них в Орду или Казань, и оттуда их не принимать». В 1535 году в Москву приехали с Волги казаки, городецкие татары, и сказывали, что к ним на остров приезжали казанские князья, мурзы и казаки, человек шестьдесят, и объявили об убийстве казанского царя Еналея. В 1550 году в Москву стали ездить, человек по пяти, по шести сот, горные татары, только что признавшие над собой власть Московского царя; Государь их жаловал, князей, мурз и сотенных казаков кормил и поил у себя за столом, дарил шубами, доспехами, конями, деньгами. В 1552 году казанские послы говорят царю Ивану Грозному: «теперь здесь в Москве уланов, князей, мурз и казаков человек с триста». В том же году бояре велели перехватить пришедших в Москву из Казани с Шиг-Алеем татар: Кудай-Кула, Лимана и всех князей и казаков.

И чем менее грозными для Русской земли становились татарские ханы и беки, все более и более терявшие свою силу, тем опаснее и страшнее становились вездесущие и неуловимые татарские казаки, причинявшие немало хлопот и бед жителям русских порубежных сел и городов, купцам, послам и иным людям, имевшим надобность бывать в степной Украине.

Понятно, что правительство московское обращалось с жалобами на их разбои и к Крымским ханам и к Турецким султанам. Жалобы эти начинаются уже с Иоанна III, который особенно просил унять разбойничавших в Придонских степях Азовских (татарских) казаков. Сын его, Василий Иоаннович, требовал от султана, чтобы тот запретил Азовским и Белгородским (Аккерманским) казакам подавать помощь Литве против Руси. В грамоте Крымского хана Менгли-Гирея к Иоанну III мы видим обещание унимать крымских казаков: «Вышнего Бога волею я, Менгли-Гирей-Царь, пожаловал: с братом своим, великим князем Иваном, взял любовь, братство и вечный мир от детей на внучат. Быть нам везде заодно, другу другом быть, а недругу недругом. Мне, Менгли-Гирею-Царю, не воевать, ни моим ханам, ни князьям, ни казакам; если же без нашего ведома люди наши твоих людей повоюют и придут к нам, то нам их казнить, и взятое отдать, а головы людские без окупа выдать»...

Само собой разумеется, что все такие обещания были безрезультатны, так как и крымцы, и ногайцы, и другие кочевые обитатели южно-русских степей жили, по преимуще-

ству, грабежом, разбоем и продажей пленных в рабы, а потому никакие усилия ханов, если бы даже и можно было верить их искренности, не приводили ни к чему. Русь могла спастись от вечной грозы, только противопоставив силе такую же силу. И вот против татарских хищников, с одной стороны, выдвигаются украинные крепости, города, «остроги» (сторожевые укрепления, посты), населенные служилым воинским людом – стрельцами, городскими казаками и т. д., а с другой стороны, степные речки и овраги заселяются охотниками-воинами, вольными казаками, собирающимися в большие дружины, военные общины – казачьи войска. Таким образом, навстречу татарским ордам Русь выставила верного стража и защитника – казачество служилое и вольное.

И вот к истории возникновения этого казачества, его постепенного развития и более чем четырехвековой беззаветной и верной его службы земле Русской мы переходим в следующих главах.

II. Начало казачества

Борьба Руси со степью. Богатыри Святорусские. Татарское иго. «Дикое поле» и его обитатели. Появление казаков. Их служба государству

Широко раскинулось по земле Русское государство. Включив в границы свои половину Европы и почти половину Азии, тянется оно от Балтийского моря до Великого океана, от северных льдов с полугодовыми ночами до жарких краев Туркестана и Персии.

Таким мы знаем наше отечество ныне. Но не всегда была могуча и велика Русь. Было время, когда она представляла собой небольшое государство, приютившееся в лесистых дебрях верховьев Днепра, Волги и Дона. Это было тысячу лет тому назад. Тогда только еще начинала строиться Русская земля, только еще нарождалось Русское государство. Разбросанные там и сям по широкой лесистой равнине Восточной Европы русские племена кривичей, вятичей, радимичей, северян, древлян, тиверцев, угличей и других жили без всякой связи друг с другом, без взаимной выручки и поддержки. Окруженные повсюду врагами, они еще не сознавали своего племенного единства, и за то жестоко платились: соседи жили за их счет, грабили и убивали их, уводили в плен, продавали в рабство, собирали с них тяжкую дань.

Когда, к концу IX века, в Киеве – «Матери городов русских», появляются впервые пришедшие из Новгорода князья Рюриковичи, в то время к востоку от Русской земли в придонских и приволжских степях находилось сильное, могучее и богатое государство Хозарское. К северу от Хозар жили воинственные черемисские племена Буртас. В нижнем течении многоводной Камы лежал великий и населенный торговый город – столица Камских Болгар. В приуральских степях кочевали печенеги и гузы (торки). Предгорья Северного Кавказа заняты были предками нынешних осетин и кабардинцев – ясами и касогами. По берегам Черного моря и на Крымском полуострове раскинуты были богатые византийские поселения. В степях между Доном и Днепром бродили дикие угрские (венгерские) орды. Большинство этих племен платило дань Хозарскому Кагану (царю).

И вот Киевским князьям пришлось прежде всего начать борьбу с Хозарами и с Византией. Олег, Игорь, Святослав предпринимают смелые, решительные и славные походы. Не останавливают их ни дремучие леса, ни высокие горы, ни бесчисленные реки, болота и топи, ни широкие безводные степи, ни бурные волны синего моря. Болгары, хозары, касоги, венгры, литовцы, даже далекая Персия и царственная Византия склоняются пред русским оружием, слава которого скоро облетала полмира...

В знак своей победы над Византийской империей Олег прибывает свой щит на воротах столицы ее – Царь-града (ныне Константинополь). Игорь на своих быстрокрылых ладьях рыщет не только по Черному, но даже и по Каспийскому морю, куда идет с ним (в 913 и в 943 гг.) огромная русская рать на 500 кораблях; он опустошает цветущие греческие поселения по анатолийскому берегу и богатую добычу собирает в городах Закавказья и Северной Персии. Святослав, окончательно разгромив хозарское царство, доходит до стен Семендера (близ нынешнего Петровска), завоевывает Тмутараканское княжество в низовьях Кубани и присоединяет к обширным владениям своим богатое Болгарское царство по нижнему Дунаю.

Но вот, со второй половины X века, из среднеазиатских степей чрез равнины Приуралья, чрез так называемые «ворота народов», все новые и новые толпы хищных кочевников начинают наводнять юго-восточный угол Европы. Идут друг за другом бесконечной вереницей полчища печенегов, гузов, торков, берендеев, половцев и т. д., разнося за собою смерть, пожары и разрушения. Одно за другим гибнут русские поселения на южной окраине.

Опустошенное Подонье (часть Руси, лежащая по верхнему течению Дона и его притоков) надолго попадает в руки кочевых орд. Гибнет в волнах степного нашествия оторванная от общей связи с Русью отдаленная Тмутаракань. Самому Киеву грозит непрестанная опасность от ярости и кровожадности хищных половцев.

Приходится Руси, оставив мысль о дальнейших завоеваниях, подумать о собственной защите. Начинают князья земли Русской строить по южной границе города, «остроги» (сторожевые укрепления), делать засеки, проводить на целые десятки верст огромные валы, усаженные крепким частоколом. Уже сын Святослава Киевский князь Владимир Святой Красное Солнышко, как называется он в старинных народных песнях, начинает эту работу: ставит он «городы» по рекам Десне, Остру, Трубежу, Суле и Стугне. Эти города получают исключительно военное значение и для заселения их вызываются из внутренних областей «мужи лучшие», т. е. храбрые, воинственные люди, горящие непреклонным желанием постоять за Святую Русь, готовые за сирот, за вдовиц убогих биться до последней капли крови со всякою «нечистью поганую», которою кишела степь.

И вот, наряду с княжами дружинами, пирующими за княжой счет в стольном городе Киеве, возникает новый род воинства – богатыри свято-русские. На степной границе собираются представители всех сословий, всех состояний: и знатные, и простые, и богачи, и бедняки – голь пережатая. И боярин Добрыня Никитич, и подьячий Васька Долгополый, и молодой Алеша Попович, и служилый человек Гришка Боярский Сын, – все они стоят на заставе богатырской, имея во главе у себя – «в атаманах» – старого бобыля, «матерого казака» Илью Муромца, крестьянского сына. Здесь уже обнаруживаются зачатки нового порядка и строя: не знатностью, не богатством, а исключительно только личными достоинствами и заслугами создается положение среди этих «лучших мужей» своего времени. И все, что было в ту пору на Руси сильного, бодрого, храброго, смелого, все стекалось на эти заставы богатырские для «береговой» (охранной) и «станичной» (разъездной) службы. Зорко смотрели они с высоты сторожевых курганов на широкий простор грозно молчащей степи, ежеминутно готовой изрыгнуть из своей глубины толпы жадных хищников. И завидев врага, устремлялись на него, и яростно бились, пока одна из сторон не падала на месте мертвой...

А иным удалцам не сиделось и на заставе: собирались тогда «резвых» людей легкие «станции» (летучие отряды), и вылетали молодцы в широкий степной простор «казаковать».

В чистом поле погулять,
Серых уток пострелять.
Руку правую потешить:
Сарацина в поле спешить.
Иль башку с широких плеч
У татарина отсечь,
Или вытравить из леса
Пятигорского черкеса⁶.

Всех их принимала в свои объятия широкая степь, но немногие выносили обратно свои удалые головушки. И только белый ковыль, – то *былье*, которым порастало русское былое, – прикрывал их буйные кости, рассеянные по необъятному степному простору, обильно политому русской и вражьей кровью.

⁶ А. С. Пушкин. «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях».

Не жалели богатыри ни голов своих, ни трудов, ни крови... Бескорыстно берегли они многострадальную Русскую землю от чужеземного ига, но напрасны были все их труды и лишения, ни к чему ни привели все их нечеловеческие усилия...

Пока на далекой границе они отбивались от внешних врагов, внутри отечества встала более грозная опасность: поднялась беспощадная братоубийственная борьба за власть... В усобицах потоками, без жалости и меры, лилась братская кровь... В пламени пожаров гибли села и нивы... на поток и разграбление отдавались озверевшими, опьяненными борьбой победителями цветущие города... С бессмысленной жестокостью предавались уничтожению богатства, накопленные долгими годами труда, пота и лишений.

«Тогда», говорится в Слове о полку Игореве, «сеялись и вырастали усобицы; погибала жизнь Даж-божья внука; в княжеских крамолах сократился род человеческий. Тогда по Русской земле редко покрякивали пахари, зато часто каркали вороны, деля между собою трупы, а галки свою речь говорили, собираясь лететь на добычу. Княжеские усобицы были на руку поганым. Брат сказал брату: “Это мое, да и то мое же!”... и начали князья о малом говорить, словно о великом и сами на себя ковать крамолу, а поганые стали со всех сторон с победами приходить на Русскую землю»... В пылу междоусобной борьбы казалась пустячной затеей охрана дальних восточных границ. Защитники окраин, не видя себе поддержки, становились все более и более нерешительными; слабели их и без того недостаточные силы; все дальше и дальше отступали они на север и запад.

«В поле не работа, коль в хате пожар»...

В поднявшейся смуте уже никто не знал, за что стоять и чему служить. Не видели русские люди, что от розни и великие дела рассыпаются в прах... Рвали и терзали на части Матушку Русь ее собственные сыны.

И свершилось... Перевелись богатыри на Святой Руси. Попала она под чужеземное иго.

В 1232–1241 годах татарские орды залили кровью и огнем всю Русскую землю, смели прочь жалких властителей раздробленного государства и заглушили разрозненные жалкие крики «мое!» одним, поглощающим все кличем – «наше!» И затихли на время усобицы в разоренной земле Русской, пока не подросли новые поколения.

Двести с лишком лет распоряжались татарские ханы Русью. И в течение этих лет повсюду в широком степном просторе, как и прежде, слышна была русская речь, но звучала уже не по-прежнему. Не гордыми кликами победителей разносилась она по степному ковылю, а жалкими стонами побежденных, влекомых толпами в рабство, в неволю, униженными мольбами холопов, за счастье считающих лобызать руку бьющего Русь «поганца», заискивающих нечистых милостей ханских приближенных.

Тяжело было иго татарское, не скоро еще смоет время следы его с Русского народа. «Но в искушеньях долгой кары, перетерпев судьбы удары, окрепла Русь. Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат».

Начали сознавать русские люди, что только в единении сила, и начали собирать землю русскую Московские Князья. Собравшись с духом, попыталась Русь сбросить с себя чужеземное иго, и успела в этом. В 1380 году в первый раз дерзнули русские стать против татар открытой силой, и 8 сентября, на Куликовом поле, при впадении р. Непрядвы в Дон, великий князь Дмитрий Донской разбил наголову полчища татарского хана Мамаю. Много пролито было в этой битве крови русской, но все еще не купила этой ценой Русь своей свободы, потому что еще не все заодно встали: одни подняли оружие за права и свободу русского народа, а другие или прямо стали на сторону врагов народных, или косвенно помогали им, продолжая прежние распри и споры за власть. И опять надолго стало народное дело, потому что один другому не давал за него взяться как следует. И если бы партийные распри не рас-

шатали бы сильную когда-то власть Золотой Орды, если бы сама Орда не распалась на части, то долго бы еще пришлось Руси ожидать наступления полного рассвета своей свободы.

К началу XVI века на месте Золотой Орды мы находим уже несколько отдельных татарских царств. Среднее и Нижнее Поволжье заняты сильными и богатыми царствами – Казанским и Астраханским. В степях приуральских кочуют Большие Ногаи, а Малые бродят между Астраханью и Доном. Крымская Орда то кочует по самому Крымскому полуострову, то рассыпается со своими стадами по приазовским степям от Днепра до самого Дона, берега которого еще надолго сохраняют названия Крымской (правый) и Нагайской (левый) сторон. По низовьям Буга и Днестра основались Белгородские (Аккерманские) татары – Едиссанская орда.

Южно-русская граница отодвинулась значительно к северо-западу: в пустыню превратились когда-то цветущие русские поселения Переяславской земли, почти вся Курская область и «польская украйна»⁷ княжеств Северского, Черниговского и Рязанского.

Эта пустыня протянулась вдоль всей юго-восточной границы более чем на 1000 верст длины и до 500 верст ширины. «Дикое Поле» называется она...

Еще хозяйничают по Дикому Полю татарские орды, но уже вновь начинает наступать Русь по всему фронту: выдвигается вперед левый фланг, – с Оки и Унжи восточная граница перенесена уже на Ветлугу и Суру. По всей «украине», как и в былое время Владимира Красна Солнышка, начинают строиться города, рубятся засеки, ставятся «остроги», населяется служилый военный люд: «дети боярские»⁸, стрельцы, пушкари, городовые казаки...

Русь готовится к новой борьбе со степью. По равнинам, оврагам и перелескам Дикого Поля закипает вновь жестокая война не на живот, а на смерть.

Но на этот раз победа остается за Русью. Широкой могучей волной разливается она по безбрежному степному простору... А впереди Руси, как соколы, вырвавшиеся на волю, летят ближайшие наследники и прямые потомки славных когда-то великих могучих богатырей Святорусских – казаки...

Еще осторожно и робко шагает вперед молодое Московское государство, все еще не веря в свои силы, не смея действовать решительнее из боязни потерять добытое положение и вновь почувствовать на себе тяжкое иго чужеземцев; еще воеводы царские только учатся бить татар, – а уже далеко отбита татарская волна заставами богатырскими. Уже рыскают по всему Дикому Полю удалые казаки, и как в былое время про Курян говорил князь Всеволод (в «Слове о полку Игореве»), что они удалые наездники, пути им ведомы, степные яруги (овраги, балки) знакомы, так теперь казаки уже свои в Диком Поле, и Дикое Поле для них уже свое: знают они там все пути-дороженьки.

В 1521 году надобно было назначить место, удобное для съезда московских и турецких послов. Московское правительство обратилось за справками к Рязанским казакам, а те дали сведения, что на полдороге от Азова к Московским границам находится «переволока»⁹, на этой переволоке прибой (пристанище) людям Астраханским, и тут посольским провожатым сходить нельзя, – надобно быть съезду на Медведице, которая ближе к Великому Князя украине, но лучше всего назначить съезд на Хопре. Впрочем, рязанские казаки несут разведывательную службу не только по Дикому Полю, они получают и дальние командировки в Крым и Турцию. В 1522 году с Иваном Морозовым посланы казаки Рязанцы в числе десяти станиц (разъездов, отрядов) и список ему дан именной, где кого из них оставить: в Азове 4 станицы, в Кафе (ныне Феодосия) 4 станицы, в Царь-город взять 2 станицы; которых казаков

⁷ Т. е. окраина, граничащая со степью, с «полем», как говорилось тогда.

⁸ Дворяне; слово, вероятно, в связи с татарскими «уланами» (см. гл. I), так как «улан», или «оглан», по-татарски значит «сын».

⁹ Место, где Волга и Дон близко сходятся, и где суда переволакивались из одной реки в другую.

оставить в Азове и Кафе и ему тем казакам приказать: если Крымский царь захочет идти на Великого Князя украину, то станица ехала бы к Великому Князю, а другие бы оставались и ждали новых вестей, и какие еще вести будут, ехали бы к Великому Князю по станицам же, чтобы Великий Князь без вести не был.

Исполняли казаки и самостоятельные поручения к соседним восточным державам, ездили послами, вели переговоры. Так, в 1517 году Великий Князь созвал на думу братьев и бояр и спросил их, следует ли после бывшего только что коварного нападения крымцев на Русь продолжать мирные сношения с Крымом, «посылать ли к хану казаков с грамотами». Дума приговорила, что нужно посылать, чтобы хан прямо не отстал от Москвы. А посольское дело было в те времена нелегкое и опасное. Приходилось казакам и холоду и голоду натерпеться в пути, отбиваться от нападений придорожных грабителей, да и при дворе восточных властителей не всегда жилось спокойно: били их там, оскорбляли всячески, грабили, отнимали даже одежду, продавали в рабство в далекие мусульманские края.

Но смело и спокойно выносил богатырский дух казачий все эти тягости и невзгоды. Не зная страха пред врагом, наводившим ужас на мирное население Русской земли, казаки сами шли навстречу опасности, перенимая от врагов систему войны, их боевые уловки, оружие и снаряжение. И скоро ученики превзошли своих учителей. Уже и в отдаленнейших углах степного простора не чувствуют себя спокойными и безопасными татарские улусы, – казаки всюду находят своих врагов. Вновь загорается заря Русской славы. Станицы удалых соколов-казаков не только шныряют по Дикому Полю, но залетают и в самое сердце татарщины – в Крым. Начинаются казачьи походы, повторившие славные набеги Олега, Игоря, Святослава, Владимира Мономаха и их богатырских дружин.

Когда, собственно, появилось казачество на Руси, с точностью определить невозможно. До нас дошло предание, что еще в 1380 году, когда Димитрий Донской шел с Куликова поля после Мамаева побоища, то первыми встретили его на Русской границе, близ города Гребени, «народ христианский воинского чина живущий, зовоми казацы, в радости стретающе его со святыми иконами и со кресты поздравляюще о избавлении своем от супостатов и приносяще ему дары от своих сокровищ, яже имеху у себя чудотворные иконы во церквах своих. Великий Князь с великою верою и любовию прием и их воинство вельми телесными дары обогатив и почтив, и по вся лета устави им казакам свое жалование за почесть их и сильную храбрость противу супостат агарянска языка».

С XV века известия о казаках принимают совершенно несомненный характер, а с начала XVI века, после объединения под властью Московского Великого Князя всей Северо-Восточной Руси вплоть до самой границы со степью, казаки уже постоянно упоминаются в составе Московских вооруженных сил, принимая деятельное участие в государственном строительстве в обороне городов, в наблюдении за набегами диких кочевников, в отражении их орд, в преследовании хищников, в отбивании у них русского «полона» и во всех походах, направляемых государями Земли Русской в глубь степей.

Выше мы видели, что казачество является по духу и целям своим прямым продолжением богатырства святорусского, а потому его нужно считать столь же древним, как и самое Русское государство. Походы Игоря, Олега, Святослава – те же казачьи походы. Самый Святослав – типичный казачий атаман, ставящий выше всего свое товарищество, дружину свою хоробрую, готовый за нее положить свою буйную голову и жертвующий для воинской потехи своими лучшими привязанностями, семьей, женой, детьми.

Можно смело сказать, что казачество это – Русь, но не безвольная холопская Русь, стонущая под чужеземным игом и бессильно тонущая в междоусобной борьбе, а Русь свободная, победоносная, широко распростирающая свои орлиные крылья по степному простору и смело смотрящая в очи соседям врагам.

III. Казаки восточные – городовые и вольные

Различие между городовыми и вольными казаками. Казачье общественное устройство. Войсковой круг. Его права и деятельность. Казаки и Московское правительство XVI–XVII веков. Воры ли казаки? Идея казачества

В половине XVI века юго-восточная граница Руси, так называемая «польская Украина», охранялась целой цепью передовых укрепленных городов: Путивль, Рыльск, Новгород-Северский, Орел, Новосиль, Данков, Рязск, Шацк, Кадом, Темников и Алатырь, сзади которых шли укрепления второй линии: Карачев, Мценск, Тула, Кропивна, Дедилов, Епифань, Рязань, Новгород-Нижний и др.

Постоянно высылались из этих городов «станции» (разъезды) на «Муравский шлях» и в «Дикое Поле» до Днепра, Донца и Доно-Волжской перекладины для собирания вестей и наблюдения по степным сакмам¹⁰, шляхам (дорогам) и перелазам (бродам), не появятся ли где-нибудь татарские хищники. Сторожевую службу несли в городах второй линии отчасти, а в передовой по преимуществу – казаки. Эти казаки жили в городах, в пригородных слободках, или в своих собственных поместьях, которые они получали за свою службу наравне с «детьми боярскими». Поэтому они делились на «поместных» и «безместных». Последние получали еще название «кормовых», так как служили за «корм», т. е. за денежное и хлебное жалование.

По роду службы своей казаки разделялись на «полковых» (или «рядовых»), несших «береговую» (охранную) службу в городах, и на «сторожевых», ездивших в «станции» и на степные «сторожи». В первую категорию попадали казаки «худые», безконные, неспособные к трудной полевой службе. Неся меньше обязанностей, они меньше получали и жалования. В сторожевые же казаки «верстались» (зачислялись) наиболее «резвые», смелые, ловкие и крепкие люди. Лучшие из них, более сноровистые и осведомленные, именовались «станичными вожами» (т. е. предводителями разъездов), прочие числились в «ездоках».

Управлялись городовые казаки своими выборными атаманами и головами; числились, вместе с прочим воинским служилым людом, в Стрелецком приказе. В 1571 году сторожевая казачья служба была приведена в больший порядок, и даже был составлен тогдашним начальником «польской Украины», князем Воротынским, Устав сторожевой и станичной службы.

По этому уставу требовалось станичникам к своим урочищам ездить и сторожам на сторожах стоять в тех местах, которые были бы усторожливы, где б им воинских людей можно было усмотреть. Стоять сторожам на сторожах, с коней не ссаживаясь, попеременно, и ездить по урочищам попеременно же, направо и налево по два человека, по наказам, какие будут даны от воевод. Станов им не делать; огонь раскладывать не в одном месте; когда нужно будет кому пищу сварить, и тогда огня не раскладывать в одном месте дважды; в котором месте кто полднел, там не ночевать; в лесах не останавливаться, – останавливаться в таких местах, где было бы усторожливо. Если станичники или сторожа подстерегут воинских людей, то посылают своих товарищей с этими вестями в ближайшие украинские города, а сами позади неприятеля едут на сакмы (следы), по сакмам и по станам людей смечать, и, поездив по сакмам и сметив людей, с теми вестями в другой раз отсылают товарищей в те же города. Новые посланные едут направо и налево которыми дорогами ближе, чтоб в украинские города весть была раньше, не перед самым приходом неприятеля, а самим им ехать за неприятелем сакмою, а где и не сакмою (как пригоже), покинув сакму направо или налево,

¹⁰ Сакма – след по траве, особенно по свежей росе или по инею.

ездить бережно и усторожливо, и того беречь накрепко: на которые украины воинские люди пойдут? И им, про то разведавши верно, самим с вестями подлинными спешить к тем городам, на которые неприятель пойдет. Если станичники завидят воинских людей на дальних урочищах, то им посылать посылки по три, по четыре, или сколько будет пригоже, а не от одного места, чтоб, проведав подлинно про неприятеля, на какие места он идет, самим с подлинными вестями спешить наскоро в те города, на которые пойдет неприятель. А не быв на сакме и не сметив людей и не доведавшись до-пряма, на которые места воинские люди пойдут, станичникам и сторожам с важными вестями не ездить и сторожам, не дождавшись на сторожах себе перемены, со сторож не съезжать. А которые сторожа, не дождавшись смены, со сторожи сойдут, и в то время государевым украинам от воинских людей учинится война, – тем сторожам от государя быть казненным смертью. Которые сторожа на сторожах лишние дни за сроком перестоят, а их товарищи на смену в те дни к ним не приедут, то брать первым на последних по полуполтине на человека в день. Если воеводы или головы пошлют кого наблюдать за станичниками и сторожами на урочищах и на сторожах, и посланные найдут, что они стоят небережно и неусторожливо и до урочищ не доезжают, то хотя бы приходу воинских людей и не ждали, – тех станичников и сторожей за то бить кнутом. Воеводам и головам смотреть накрепко, чтоб у сторожей лошади были добрые и ездили бы на сторожи о двух конях, чтоб можно было, увидевши неприятеля, уехать. У кого из станичников и сторожей лошади будут худы, а случится посылка скорая, и под тех сторожей велеть доправить лошадей на их головах; а если надобно вскоре, и доправить некогда, то воеводам велеть брать лошадей добрых у их голов; а не будет у голов столько лошадей, то воеводам брать лошадей добрых по оценке у полчан своих, а на головах брать найму на всякую лошадь по 4 алтына с деньгою на день, и отдавать деньги тем людям, у которых взяты лошади.

В 1574 году все городовые казаки «польской украины» получают Наказным Атаманом родоначальника ныне благополучно царствующего Дома Романовых боярина Никиту Романовича Юрьева-Захарьина. По его распоряженью казакам за несение сторожевой службы было прибавлено денежное и поместное жалованье более чем вдвое, наличный состав был проверен, осмотрено снаряжение и лошади, причем велено: «которые казаки собою худы или безконны и в сторожевую службу их не будет, – тех от сторожевой службы отставить, и служить им казачью рядовую службу и поместной им придачи не придавать, а на их место прибрать из рядовых казаков добрых и конных».

С половины XVI века все дальше и дальше на юг и восток распространяется порубежный предел Русского царства, строятся все новые и новые города¹¹, в которых мы опять-таки находим прежде всего городовых казаков – Самарских, Ливенских, Воронежских, Елецких, Задонских, Тамбовских, Чугуевских, Астраханских и т. п.

Наряду с казаками «польской украины» имеются известия о казаках и других городов, по преимуществу пограничных с западными врагами Московского царства – Литвой, Шведами, Немцами. Таковы казаки Смоленские, Псковские, Новгородские (Новгорода Великого), Великолуцкие, Вологодские, и т. д. Эти казаки, как и прочие, так же или довольствуются «кормами», хлебными и денежным жалованием или же получают поместья, а со введением крепостного права владеют и крестьянами одинаково с дворянским сословием.

К тому же XVI веку (и, несомненно, к самому началу его) относится возникновение и другого казачества, вольного.

Дикое Поле со своими многочисленными оврагами, балками, холмами, перелесками давало прекрасное убежище всякому человеку, которому не жилось в пределах Московского государства. Здесь-то и было положено начало тем военным братствам, напоминавшим, с

¹¹ Самара, Ливны, Воронеж – 1586 г., Царицын – 1589 г., Саратов – 1590 г., Елец – 1592 г., Белгород, Оскол, Валуйки – 1593 г., и т. д.

одной стороны, дружины Киевской Руси, а с другой, духовно-рыцарские ордена Западной Европы. Под давлением постоянной внешней опасности вольное казачество сплотилось в многотысячные воинственные общины, осевшие по берегам степных «словутных» рек Дона, Яика и др. и получившие названия казачьих войск. Так возникли старшие казачьи войска Донское, Волжское, Гребенское, Терское и Яицкое.

Сюда-то, в эти свободные общины, как в былое время на заставу богатырскую, стекались «лучшие» люди Московской Руси, стекались все, кто, чуя в себе силушку великую, хотел размыкать ее по чисту полю, удаль свою молодецкую показать и добыть себе чести, а казачеству славы. Сюда же стекались и те, кто искал себе спасенья от холопства невольного, от прикрепления к земле, к тяглу, к помещику, так как к концу XVI века Московское государство держало уже в крепких тисках своих граждан, возложив на них тяжелые обязанности пред государством, – обязанности, не соответствовавшие правам. И вот, кто хотел избавиться от этих тисков, от тяжести податей и налогов и от произвола дворян да бояр государевых; кто жаждал вольной, свободной жизни, кого не пугало царившее в казачьих общинах общее равенство, а влекло к себе товарищеское братство, – все стекались на берега «запольных»¹² речек и увеличивали собою толпы казачества «вольного, свирепого и бесстрашного»...

Надо еще не забывать и того обстоятельства, что закончившееся к началу XVI века объединение Северо-Восточной Руси сопровождалось уничтожением свободных, вольных вечевых государств русских – Великого Новгорода, Пскова и других. Конечно, и жители этих разгромленных областей стремились в казачьи общины, являвшиеся носителями того же самого государственного порядка и строя.

Охота, рыбная ловля и война давали казачеству средства к жизни, и они же определяли собой общественный строй, обычаи и нравы казачества. Первые два вида деятельности ставили казаков в необходимость селиться небольшими городками (по 100, по 200 и по 300 человек) в удобных для промысла местах, боевая же обстановка развивала и закаляла товарищеский дух взаимопомощи, выручки и поддержки, так как только благодаря этой тесной внутренней спайке могло казачество выйти победоносно из тяжелой кровавой борьбы.

В отличие от казаков городских, составлявших в Московском государстве военное служилое сословие, среднее между «детьми боярскими» и «стрельцами», вольное казачество в основу своего единения клало полное отрицание каких бы то ни было сословных разделений. На царскую грамоту, приглашавшую в 1638 году прислать в Москву «лутчих» (т. е. знатнейших) казаков к царю «для всяких государевых дел», Донское войско отвечает: «то де у них и лутчие люди, ково они выбрав Войском пошлют к Государю, а лутчих де людей у них на Дону нет, – все меж себя ровны». Когда в 1698 году царский посол Нащокин, привезя на Дон подарки, хотел раздавать их казакам по наказу – «лучшим» хорошие, а рядовым похуже, казаки ответили ему, что «у них больших нет никого – все ровны, а разделят сами на все войско, по чему достанет».

Впрочем, ни свобода, ни равенство нисколько не мешали казачеству быть надежным оплотом своего отечества и верно служить своим природным государям – Царям Русским. В 1641 году Донцы пишут из Азова главнокомандующему турецкого осадного корпуса в ответ на его приглашение перейти на службу к Турецкому Султану: «Холопы мы природные Царя Государя Московского, а бегаем из того государства Московского от бояр да от дворян государевых». Московские бояре просто-напросто являлись вещь лишней и бесполезной, с точки зрения казаков. Тому же Нащокину говорило Донское Войско: «Прежде мы служили Государю и голов (т. е. воевод) московских у нас не было, служили своими головами, и тепер рады служить Государю своими головами, а не с Хрущовым». Прошло полвека, и снова пишут (1646) Царю казаки: «А твоему государеву дворянину Ждану Кондыреву на

¹² Лежащих за Диким Полем.

такую твою государеву великую службу водяным путем с нами, холопи твоими, быти ему невозможно, потому, Государь, что он жил при твоей государской светлости, и человек он нежной, а нынешние, Государь, нужи и морских походов и пешие службы ему будет нетерпеть. И нам, Государь, бывают нужи, да и хуртины (бури, волнения) великие, и струги наша разносит по морю, друг друга не возведаем, да и топит, Государь, хуртиною у нас многие струги, а иные на берег выметывает и разбивает: и без запаса и без воды многие дни бываем. А ему, Государь, Ждану такие великие нужи и пешие службы с нами будет нетерпеть. А нам, холопам твоим, лучится о тамошнем каком деле и о промыслу ему, Ждану, говорить, и ему, Государь, будет на нас в том досадовать, и у него, Государь, в том деле будет ссора и смута, и всяким нашим промыслам в твоей государевой службе от тово будет поруха. А ему, Государь, морских походов, и пристаней, и тамошних мест ничто не за обычей, и не ведает». И Царь милостиво удовлетворил челобитную казаков – послал Войску Донскому свое царское «спасибо», а Кондыреву велел вернуться к Москве.

Из приведенных выше примеров мы видим, что в XVI–XVII веках казаки служили Царю «своими головами», т. е. имели во главе своей собственное начальство. Невелико было число этого начальства: Войсковой Атаман да Войсковой Ясаул (иногда Ясаулов было два и более), а для ведения Войскового письмоводства состоял Войсковой Дьяк (или Писарь) с подьячими. Войсковое знамя и прочие регалии вверялись особым старшинам: Войсковому Знаменщику, Бунчуковому Товарищу и др.

Устройство отдельных казачьих городков соответствовало устройству всего войска. Во главе стоял опять-таки Атаман, а «атаманы у нас на Дону», говорили казаки, «без есаулов не бывают».

Все эти чины замещались по выбору на один год, и по окончании своего срока должностное лицо превращалось в обыкновенного рядового казака. Атаман Аввакум Сафонов пишет в челобитной к Царю в 1642 году: «А то он, Наум, был Войсковой Атаман до Азовской осады на Дону, а в Азовскую осаду был он в рядовых, а я, холоп твой Абакумко, и в Азовскую осаду был станишный атаманишко; а Войсковой у нас Атаман один и тот в Азове».

Войсковому Атаману принадлежала только исполнительная власть, что же касается до власти распорядительной, то она неотъемлемо оставалась за всем Войском в его целом. Для осуществления же этой власти войско собиралось по мере надобности в Войсковой Круг, в котором и решались все важнейшие войсковые дела. Казачий Круг вполне тождествен с древнерусским народным собранием – вече: те же у них права, тот же состав, та же деятельность.

Составлялся Войсковой Круг из всех явившихся на место собрания казаков, не опороченных перед Войском, причем все имели равное право голоса. Круг обыкновенно собирался на площади главного городка Войска. Посреди площади, в центре Круга, располагался окруженный войсковою «старшиною» Войсковой Атаман со знаками своей власти – булавою и бунчуком и предлагал на обсуждение Кругу очередные дела. Впрочем, предложения Кругу мог невозбранно делать и всякий из присутствующих. Изложив сущность дела, Атаман (или по его поручению Ясаул) спрашивал собрание: «Любо ли вам, атаманы-молодцы?» Присутствующие отвечали «любо!» или «не-любо!», и простое большинство решало вопрос. Чаще всего Круг приходил к единодушным решениям, а до безобразных диких драк, как на Новгородском вече, дело доходило только в чрезвычайно редких случаях, так как постоянная внешняя опасность и общие «нужи морской и пешей службы» создавали столь прочную спайку казачьего товарищества, что казак всегда готов был братски поделиться с соседом даже последним куском хлеба.

Исторические документы, дошедшие до нашего времени и относящиеся в большинстве к Донскому Войску, дают нам возможность не только ближайшим образом указать предметы ведения и обычаи Войскового Круга, но и подкрепить это указание примерами

из собрания Донских Дел (Д.Д.), изданных Императорской Археографической Комиссией в 1898–1906 годах.

Кроме избрания всех войсковых должностных лиц, заведывания войсковым имуществом, капиталами и распределениями между войском царского денежного, порохового и прочего жалованья, Войсковой Круг в потребных случаях устанавливал налоги с казаков на общевойсковые надобности, как напр., на укрепление городов, прием посольств и проч. В 1639 году пишет Донское Войско Царю: «Запасы, и вино, и мед, и быки, и бараны, и неводы, и котлы, и каюки, в чем рыбу ловить, покупаючи им, мурзам (ногайским), давали, а деньги собирали с своей братьи Донских казаков, себя осудя» (Д.Д. I. 981).

Ревниво оберегая пользу войсковую и государственную, Войсковой Круг не стеснялся издавать законы и распоряжения, обязательные к исполнению под угрозой смертной казни или лишения казачьих прав: «А которые де люди на тот срок в Азов не будут (для обороны его от турок), а останутся на Дону и тех приговорили грабить и побивать до смерти и в воду метать» (Д.Д. II. 125). «А которые атаманы и молодцы верховые (верхнедонских городков) к войску в Азов на помощь пойдут, и тем атаманам и молодцам в Войску и суда не будет» (Д.Д. I. 810). В 1690 году, узнав, что в верхних городках казаки начали заниматься земледелием, Войсковой Круг постановил: «Дабы воинским промыслам помешки не было, если который казак станет пахать, того бить до смерти и грабить».

Судебная власть в полной мере осуществлялась Войсковым Кругом. Во всех случаях чрезвычайной важности не только суд, но и самая расправа производилась в Войсковом Кругу, причем виновного, смотря по обстоятельствам, или поднимали на пики, посекали саблями, расстреливали, или убивали полыннями и камнями, или же просто, по-рыбацки, «в куль – да в воду»... Приведем несколько характерных примеров. В 1646 году воевода Кондырев доносит Царю из Воронежа: «Апреля ж в 27 день, тот Донской атаман Павел с Донскими казаками и с вольными людьми учинили себе круг, того вора-заводчика Ваську Барабанщика в кругу расстреляли из пищалей, а Ивашка Борборского да Ивашка Глухово били в кругу ослопы (дубинами) по своему казачью обычаю, как у них на Дону ведетца». В 1637 году Войско пишет из-под Азова: «А мы, Государь, холопы твои, не утерпя ево измену и за ево волшебство их, что стоя под Азовом терпим голод великий и всякие нужные скорби, того Турского посла Тому Катакузина со всеми его людьми побиили до смерти». В 1638 году донцы в Москве говорят: «А то де было в нынешнем 146 году, запорожских черкас атаман Матьяш учал было бунтовать, и войска было слушать не учили, и учили просить у них города в Азове особно и наряду (пушек), и хотел было он владеть и жить особно. И они де, атаманы и казаки, поговоря меж себя, за то черкасского атамана Матьяша убили поленьями до смерти и вкинули в Дон. И после того запорожские черкасы им послушны во всем по-прежнему, а будет де они впред похотят владеть собою, и им де Войском молчать не будут и с ними управятся». (Д.Д. I. 706–707).

В Войсковом же Кругу давалось прощение отдельным преступникам. На Дону был одно время обычай отпускать при получении Царского жалованья одного или нескольких колодников в знак войсковой радости. Иногда бывали случаи, что войсковой Круг объявлял прощение целому ряду преступников или даже всем «пенным» (виновным) отдавал их «пеню». В войсковой грамоте, посланной по всем Донским городкам перед «Азовским сиденьем», пишется: «А чтоб ехали к Войску всякие люди – пенные и не пенные, – а пеня им отдана».

Наконец, все вопросы внешней политики и военного устройства, объявление войны, заключение мира, составление военных планов, – все это решалось на Войсковом Кругу. Здесь читались Царские грамоты, составлялись войсковые отписки к Государю, допрашивались пленные, отправлялись посольства в Москву, в Крым, в Турцию.

Что касается до отношения Центрального Московского правительства к такой полноте власти Войскового Круга, то оно, видимо, нисколько этим не тяготилось и считалось как с бесспорным фактом. Так, когда в 1646 году на Дон было послано для помощи казакам около трех тысяч набранных в южных городах вольных охочих ратных людей, то Царь писал воеводе Кондыреву: «А велело вам тех вольных людей отдать на Дону атаманам и казакам, и велено тем вольным людям быти на Дону до нашего указа. А без нашего указа с Дону не съезжать. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б Донским атаманом и казаком и нашим вольным людям велели всем быть к себе и ученить круг, и им сказали, чтоб они, вольные люди, нам, великому Государю, служили; промышляли вместе с атаманы и казаки, и были б с ними у атаманов и у казаков в послушанье. А собою б, без совету с Донских атаманов и казаков, ничево ни делали и самовольства никакого ни чинили». (Д.Д. II. 1085).

Не вмешивалось центральное правительство и в судебную деятельность Войскового Круга, причем Царь неоднократно обращается к Войску с просьбой наказывать виновных казаков по войсковому обычаю: «И как к вам ся наша грамота придет, и вы б казаку Ивашку Огарышеву за такие буйные ненадобные слова учинили наказание, чтоб ему, и иным на то смотря, впредь не повадно было» (Д.Д. II. 808, 760 и др.).

Такая условная зависимость вольного казачества была, конечно, с одной стороны, приятна Московскому правительству, не раз пытавшемуся наложить руку на казачьи вольности, а с другой стороны, она же создавала возможность Москве, оказывая на деле казакам поддержку и помощь оружием, пороховой, денежной и хлебной казной, на словах говорить иное и, пользуясь плодами казачьих трудов и подвигов, не брать на себя ответственности за их действия. Всякий раз, как Турецкий Султан или Крымский Хан обращались к Москве с жалобами на дерзость казачьих набегов, царские послы отвечали всегда одни те же заученные речи: «На Дону де, на Волге и на Тереке живут не царские люди, а воры и разбойники, беглые холопы, и царского повеленья ни в чем ни слушают, а живут самовольно “воровским”¹³ кочевым обычаем, и хоть всех их велит Султанское Величество перебить, то Царю это не будет грубно и ссориться за казаков Царь никак не станет».

А в то же время к этим «ворам и разбойникам» и на Дон и на Волгу посылаются благословения всероссийского духовного собора, адресованные «атаманом и казаком и всему Великому Войску», шлются царские грамоты с похвалами за верную и бескорыстную службу отечеству, царское жалованье, знамена, иконы, церковная утварь и проч. В 1613 году даже в Константинополе было обращено внимание на неискренность московских ответов, и послам московским сказано было прямо: «Вы говорите, что на Дону живут воры; а для чего же ваш Государь теперь с вами прислал к ним денежное жалованье, сукна, серу, свинец и запасы». Об этих же «ворах и разбойниках» Котошихин пишет¹⁴: «И дана им на Дону жить воля своя, и начальных людей меж себя атаманов и иных избирают, и судят во всяких делах по своей воле, а не по Царскому указу. А кого лучится им казнити за воровство или за иные дела и не за крепкую службу и тех людей, посадя на площади или на поле, из луков или из пищалей расстреливают сами; так же, будучи на Москве или в полках, кто что сворует, царского наказанья и казней не бывает, а чинят они меж собою сами ж. А как они к Москве приезжают, и им честь бывает такова, как чужеземским нарочитым людям. А ежели б им воли своей не было, и они б на Дону служить и послушны быть не учили. И только б не они, Донские казаки, не укрепились бы и не были б в подданстве давно за московским Царем Казанское и Астраханское царствы, з городами и з землями, во владетельстве».

¹³ «Беззаконным»; слово «воровство» в то время означало вообще беззаконие, а не кражу.

¹⁴ В сочинении «О России», написанном в 1666–1667 годах (глава IX, л. 198–199).

Можно ли после этого принимать легкомысленно за истину неискренние московские отписки о казачьем «воровстве» и посольские увертки, имеющие целью обмануть исконных врагов России – Турецкого Султана и Крымского Хана!

А между тем эти отписки и некоторые подтасованные летописные известия подали повод нашим историкам оклеветать славное и честное вольное казачество, смешав его с воровскими казаками, т. е. с обыкновенными разбойничьими шайками, расплодившимися на Руси в Смутное Время и промышлявшими грабежом мирного русского населения.

Правда, тот же Котошихин говорит, что укрывались на Дону и разные грабители, разбойники, причем «быв на Дону хотя одну неделю или месяц, а лучитца им с чем-нибудь приехать к Москве, и до них вперед дела никакова ни в чем ни бывает никому, что кто ни своровал, потому что Доном от всяких бед освобождаютца»; но ведь в те времена ни одно государство не выдавало беглецов, принятых под защиту и покровительство, и никому в голову не приходило Римскую католическую церковь называть разбойной организацией только потому, что принятие духовного звания или даже звания церковника точно так же освобождало злодеев от всякого преследования со стороны светских властей. Выше же мы видели, что казаки сами не терпели в своей среде воров и без жалости наказывали их, не останавливаясь даже перед смертной казнью.

Само же вольное казачество бескорыстно служило Царю и Отечеству и с охотой клало головы свои за великих государей да за веру Христианскую. И кровь свою нещадно и беспрестанно лило вольное казачество «не с вотчин, не с поместий, а с воды да с травы», как неоднократно писали казаки самому Царю¹⁵.

Когда в 1641 году шесть тысяч казаков выдержали в Азове осаду более чем двухсоттысячной турецкой армии, то не польстились казаки на богатства, предлагавшиеся им за сдачу Азова. Сорок две тысячи червонных давал им турецкий главнокомандующий за уже совершенно разбитый город, но несмотря на тяжкие потери в людях, несмотря на совершенное изнеможение от трудов и лишений, несмотря на крайний недостаток боевых и съестных припасов, казаки и не подумали сдаваться: честь и слава казачья им дороже денег...

Вот что говорят о таких предложениях казаки в грамоте своей к Царю от 24 марта 1641 года:

«И на том, Государь, окупу (размене пленных) Крымский царь нашим казаком, которые у него были в полону, и своим людем, которые были на окупу, велел нам, всему Донскому Войску, говорити, чтоб мы, холопи твои, у него, Крымского царя, взяли казну великую и нашу братью, которые на боех взяты, без окупу, для того, чтоб мы ему Азов город отдали. И мы, Государь, холопи твои, ему, Крымскому царю отказали: взяли мы Азов город своим умышленьем, а не его, праведного Государя, повеленьем, взяли своими головами и своею кровью, а головы свои складывали и кровь проливали за истинную свою православную крестьянскую непорочную веру и за дом святого славного пророка и Предтечи Крестителя Христова Иоанна¹⁶, а на твое тленно и гибнущее золото и серебро не прельщаемся: будет вам, Крымскому и Турецкому царем, Азов город надобен, и вы его так же доставайте, как и мы, своими головами и своею кровью. А мы, все Донское Войско, служим одному праведному и благочестивому Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всеа Руси, а не вам, и на вашу многую казну и льстивые безбожные басурманские речи не прельщаемся. Ради мы с вами битись и пострадати и стояти за свою истинную православную крестьянскую веру, и за дом святого славного пророка и Предтечи Крестителя Христова Иоанна и за праведного Государя Царя и Великого Князя Михаила Федоровича всеа Руси, а города

¹⁵ 3 декабря 1637 г. (Д. Д. I. 635), 10-го сентября 1640 г. (Д. Д. II. 50) и т. д.

¹⁶ Древний храм которого был в Азове.

вам Азова не отдадим: кому Бог помощи подаст, то им будет владети, а не так то делается, как вы хотите»...

Когда во время того же Азовского сидения турки потеряли на первом приступе до шести тысяч убитыми и просили у казаков перемирия для похорон мертвых, предлагая выкуп за тела, причем за убитого пашу давали, сколько он вытянет, золота, то какой благородный ответ дали казаки!... «Не продаем мы мертвого трупу на поле, емлите ваши тела даром»...

Так могли ли ответить «воры и разбойники»?!

Правда, громили казаки турецкие суда на Черном море, грабили и жгли города на морском побережье, ходили «добывать зипуны» и в Персию, и в Закавказье, и в Крым, и в Хиву, но жил казак не на средства мирных жителей земли русской, а за счет исконных врагов своего народа, своего отечества и даже своей веры.

О средствах пропитания вольного казачества Котошихин пишет: «А посылается к ним на Дон царское жалованье, денежное, не гораздо по многу и не всегда; а добываются те казаки на Дону на всяких воинских промыслах от Турских людей, горою и водою, также и от Перситцких людей и от Татар и от Калмыков; и что кто где на воинском промыслу ни добудут, делят все меж собою по частям, хотя кто и не был. Да к ним же, Донским казаком, из Казани и из Астрахани посылается хлебное жалованье, чем им мочно сытим быть; а иные сами на себя промышляют».

Если бы воры и разбойники жили на Дону, то не ходили бы купцы с разными запасами из Руси и Литвы в казачьи городки. Да не только русские – и бусурманские купцы из Кафы, из Азова, из Темрюка приходили на Дон торговать своими товарами в короткие дни мира.

Да и можно ли ставить казакам в вину их бывшее легкое отношение к чужой собственности, благодаря которому сложились в казачьей среде поговорки: «Наши ребята что телята, – на что глянут, то и тянут», «У наших Казаков обычай таков: поцеловал куму, – так и губы в суму!» и т. п., если такие же воззрения на захватное право господствовали в «культурных и цивилизованных» германских государствах того времени, где сложилась еще более откровенная поговорка: «Raubern ist keine schande das thun die Besten im Zande» («Грабить нет никакого стыда, – это делают знатнейшие люди в стране»). А ведь казаки считали великим позором грабить и воровать у своих и за такое воровство беспощадно убивали до смерти.

Не для наживы, а на тяжелый труд и славный подвиг стекались отважные удалцы на «запольные» реки. Шли они «из работы невольные и холопства вечного» на добровольный труд, на опасную, но зато свободную жизнь, готовые погибнуть за Святую Русь и положить живот свой за други своя. Что думали казаки, на что надеялись и во что верили, хорошо выражено в следующих словах казачьей песни о смерти атамана Ермака, покорителя Сибири.

Кто жизни не щадил своей,
в разбоях злато добывая,
Тот думать станет ли о ней,
за Русь Святую погибая...
Своей и вражьей кровью смыв
все преступленья буйной жизни,
Мы за победы заслужим
благословения отчизны...
Нам смерть не может быть страшна,
– свое мы дело совершили:
Сибирь Царю покорена,
– и мы не праздно в мире жили...

В 1638 году Войско Донское, созывая перед близкой осадой всех казаков из верхних городков в Азов на «сидение», не обещает, в случае удачи, добычу великую, а уговаривает всех крепко стать брат за брата, не перевести на нет былые труды и подвиги, не посрамить славы своей молодецкой... «И чтоб вам, атаманом и молодцом верховым, попомнить престол Ивана Предотеча, и православную крестьянскую веру, и государеву к себе милость», говорит войсковая грамота¹, «свою атаманскую и молодецкую славу не потерять, едья в Азов к Войску днем и ночью не малыми людьми, а в городках небольших людей оставливайтя, а съезжайтясь городков пять и шесть в одно место с семьями, чтоб остальцы жили с великим береженьем, съехавшись в одно место... Ведаете вы и сами, как вы приходили изо всех рек казачьева присуду Азова достигать, и милостию Божию и великого в пророцех Ивана Предотеча и государским счастьем Азов город вам, атаманом и молодцом, всему великому Войску Донскому Бог поручил. А ныне б нам бусорманше веры не посмеялись, а за дом Ивана Предотеча и за истинную, непорочную крестьянскую веру стоять, Азова б города не подать, а государскому имени б в иных землях поношенья не было и своей атаманской и молодецкой славы не потеряйте. Все земли нашему казачьему житью завидовали, а ныне мы – тока свою казачью славу потеряем!?!»... Знала и Москва, что все готовы снести и вытерпеть казаки, лишь бы только славы своей не потерять, а потому и Царь в своей грамоте к Войску от 30 августа 1643 года пишет (Д.Д. II. 465): «И вы б, атаманы и казаки, Нам, Великому Государю, и впредь служили... и с старых с своих мест, с Дону, не сходили, тем бы прежней своей славы и чести не теряли»...

Твердо и непоколебимо стояли казаки за Веру, Царя и Отечество, за честь и славу казачью, не уступая ни пяди занятой земли, не зная страха перед грозным врагом, не смущаясь потоками лившейся крови. И по всему свету прогремела слава казачья, и донныне еще не померкла она, и одно только имя казака заставляет содрогаться сердце врагов земли Русской и Царя православного...

IV. Казаки Западные – Днепровские

Образование Днепровского казачества. Основание Запорожской Сечи. Реестровые казаки. Охочекомонные полки. Постепенное развитие Малорусского казачества. Отношение его к государственной власти. Отличительные черты Западного казачества

К началу XVI века Киевская Русь (Воынь, Подолия и Поднепровье) входила в состав Великого Княжества Литовского. Литовская степная «украина», как и Московская, терпела постоянные разорения от хищных татарских орд, налетавших на Русь из Крымских степей, и Литовскому государству также приходилось принимать все возможные меры к охране своей южной границы. Подобные причины всегда порождают и одинаковые последствия, а потому и в Западной (Малой) Руси мы также встречаемся с казачеством, которое и здесь принимает две те же основные формы – городские полки и вольная община.

Однако, рассматривая вопрос о возникновении казачества в Западной Руси, мы легко заметим, что развитие Днепровской вольной общины уже с самого начала идет совершенно иным путем.

В то время как в Руси Восточной вольные общины зарождаются сами собой и первоначальное их развитие, устройство и обычаи слагаются вне всякого воздействия со стороны государственной власти, которая только с течением времени, по мере своего усиления и роста, прибирает казаков к рукам, на западе дело идет совсем обратным порядком: основание Запорожью кладется самим правительством в пору его наибольшей силы, а затем, по мере ослабления центральной власти и расшатывания государства от той же злосчастной борьбы за власть, первоначально государственное учреждение начинает обособляться, становится во враждебное отношение к государству, а затем, окончательно окрепнув, вступает с ним в борьбу и выходит из этой борьбы победителем.

В начале XVI века нападения Крымцев на Литву стали делаться все грознее и опустошительнее. В 1506 году Польша принуждена была даже согласиться платить Крымскому хану ежегодную дань в 15 000 червонцев. Но не помогло и это: и здесь надо было силе противопоставить силу...

И вот, когда в 1511 году для обсуждения вопроса о защите от Крымцев был созван в гор. Пиотркове большой сейм¹⁷, то воевода Дашкович, незадолго перед тем (1504) побывавший в Москве, где он, конечно, имел полную возможность ознакомиться с порядками «береговой и станичной службы», предложил собранию организовать передовую охранную линию в низовьях Днепра. «Необходимо для сего», сказал он, «учредить деятельную стражу только из двух тысяч воинов. Они могли бы разъезжать на малых судах и лодках между днепровскими островами и порогами, препятствуя переправе татарской. Для прикрытия сей стражи острова следует укрепить, а для доставления ей жизненных припасов нужно не более 500 всадников».

Надо полагать, что в ту пору за порогами, в Низу и по Великому Лугу еще не было никаких казачьих организаций, а если и попадались там одиночные удальцы, промышлявшие охотой и рыболовством, то они, видимо, не представляли сколько-нибудь значительной силы, иначе Дашкович не обошел бы их молчанием, внося предложение об учреждении ничего иного, как столь прославившейся впоследствии Запорожской Сечи.

Сейм с одобрением отнесся к проекту Дашковича и постановил содержать на Низу четырехтысячное войско, на вооружение и содержание которого собрать особый земельный

¹⁷ Польско-Литовское государство управлялось королями, зависевшими от решений сеймов, собраний народных представителей.

налог, в первый год по 18 грошей с десятины, а в следующий по 12-ти. Это войско должно было охранять Подолию. Устройство всей этой пограничной стражи поручено было тому же Дашковичу, который деятельно принялся за осуществление своего великого, как оказалось, плана. Именно этим-то обстоятельством и объясняется, что в запорожском внутреннем строе, быту и порядках с первых же шагов бросаются в глаза черты военного устройства как древних государств Рима и Спарты, так и позднейших рыцарских орденов.

По-видимому, эти четыре тысячи воинов содержались в Запорожье не постоянно, а, разделенные на две части, поочередно сменяли друг друга, потому что еще даже в 1532 году запорожцев в Низу насчитывалось только около двух тысяч человек. Таким образом, уже с самого начала казачество Днепровское делится на два разряда: служащие на самом кордоне и состоящие дома на учете, на льготе, подобно тому, как и ныне казахи первоочередные части содержатся на Персидской, Турецкой и иных границах, а отбывшие свой срок проживают дома до того времени, пока обстоятельства не призовут и их под знамена.

Уже с 1516 года запорожцы с Дашковичем во главе начинают показывать свою деятельность. Более 1200 удальцов совершают набег на турецкие владения, доходят до Белграда (Ак-Кермана), разбивают встречные татарские отряды и отгоняют в свой «острог» – «Сичь» – до 500 лошадей и до 3000 голов скота.

С течением времени все дальше и дальше распространяется круг деятельности запорожцев, все смелее и опустошительнее становятся их набеги.

В 1515 и в 1521 годах Дашкович с запорожцами воюет против Москвы в составе Крымского войска, что, однако, нисколько не помешало ему вскоре дважды (в 1522 и 1523 гг.) вторгнуться в Крым и разгромить его, действуя совместно с ногайцами. Эти походы кладут начало будущей неустойчивости запорожской политики: образованное собственно для борьбы с Крымом запорожское войско, по требованию враждебной Москве Польши, не раз совершает набеги на Московские уkraine и в союзе с бусурманами льет неповинную братскую христианскую кровь.

Почти одновременно с учреждением Запорожья возникает Литовское городское казачество – казаки реестровые. Вскоре же после Пиотрковского сейма обнаружилось с полной ясностью, что стража, поставленная на Низу, может прикрывать Украину только от прорыва мелких партий и шаек, для борьбы же с значительными отрядами она недостаточно сильна, и единственно, чем может служить, так это только своевременным извещением населения о походе неприятеля. Необходимо было прибегнуть к организации вооруженных сил и внутри страны. В этих видах польское правительство решило воспользоваться воинственными наклонностями украинского населения и сформировать из него милиционное войско.

Устройство этой милиции было поручено гетману¹⁸ Рожинскому. Он учредил, около 1514 года, двадцать местных полков, по 2000 казаков в каждом. Полки эти делились на сотни. Как те, так и другие получали свое наименование по городам и местечкам: «Киевского полка Киевская сотня» и т. д. Во главе полков и сотен стояли Полковники и Сотники, которые, будучи раз выбраны, как и прочая «старшина» полковая и «генеральная» (общевойсковая), «товариством» (т. е. старшинами же) и «громадою» (обще-казачьей массой), оставались в своих должностях впредь до смерти или до избрания в высший чин и на прокормление себе получали «ранговые маетности», т. е. деревни крестьян, мельницы и др. имения, принадлежавшие не личности, а «рангу» – должности, чину.

Всем малороссианам, зачисленным в казаки этих милиционных полков, был составлен именной список – «реестр», почему они и получили название «реестровых» (списочных) казаков. Половина казаков должна была быть конная – для действий в поле, а половина пешая – для обороны городов, местечек и замков. Одежда и вооружение их было однообраз-

¹⁸ Командующему войсками в Малороссии.

ное, но заготавливалось на собственный счет; конница вооружена была ружьями, пистолетами, саблями и копьями, пехота – ружьями, копьями и кинжалами. В походах реестровые казаки получали от казны жалованье, а в случае продолжительной войны и некоторую одежду. В мирное время казаки питались от своих трудов: занимались хозяйством, ремеслами, торговлей. Отбывая службу государству лично в составе вооруженных сил, казаки освобождались от всех прочих повинностей и налогов, а также и от барщины, которую отбывало «поспольство» – простой народ.

Однако уже при первой организации народных масс в вооруженные силы оказалось в наличности немало число охотников – «гультаев», не вошедших в реестр, но чувствовавших влечение к военной службе. Чтоб использовать и их на дело государственной обороны, были образованы полки охочекомонных (конных охотников) казаков. Эти полки поступили под начальство особым, назначаемым Гетманом, полковникам, по именам которых и назывались. Число охочекомонных полков менялось в зависимости от войны и мира, опускаясь до пяти и поднимаясь до двадцати, а иногда и более полков.

Такова была первоначальная организация малорусского казачества, с течением времени претерпевшая длинный ряд изменений.

Прибегнув в минуту нужды к такой чрезвычайной мере, как учреждение постоянной народной милиции, польско-литовское правительство, по мере того, как опасность турецкого и татарского нашествия становилась все менее грозной и вероятной, начинает подозрительно относиться к казачеству, страшась той силы, которой само же создало стройную организацию. В 1569 году Литва и Польша окончательно соединяются в одно государство, и при учреждении новых порядков казачьи полки поступают под начальство особого «казачьего старшего», непосредственно подчиненного коронному Гетману. Спустя несколько лет (1576), польский король Стефан Баторий принимает уже более решительные меры по отношению к казачеству: он уменьшает реестр до 6000 человек. Эта мера приводила к тому, что более 30 000 реестровых казаков лишились казачьих прав и привелегий, обращаясь в «поспольство» и рискуя попасть затем в холопы к польским помещикам.

Впрочем, меры эти приводят совсем не к тем последствиям, которых ожидал Баторий. Недовольство в Украине достигает высшей степени напряжения. Лишенные прав реестровые толпами бегут на «Низ», в Запорожье и тем только способствуют ускорению начавшегося уже создания запорожской независимости. Баторий принимает (1579 г. и след.) бесплодные попытки обуздать своеволие запорожцев, но это приводит только к тому, что в 1589 году в Запорожском «Коше» насчитывается уже около 20 000 казаков. Они сами избирают себе кошевого атамана, вопреки всем запретам короля польского. Успехи казацких набегов к тому времени создают уже такую славу запорожскому оружию, что в 1594 году император австрийский Рудольф II завязывает с ними непосредственные дипломатические сношения: императорский посол Эрик Лассота является в Сичь с предложением союза для действий против Турции.

Таким образом, к концу XVI века Запорожье совершенно освободилось от подчинения польскому правительству. Но зато, если когти и зубы Днепровского казачества вышли из-под власти Польши, все же тело его и хвост оставались по-прежнему в польских руках. И вот, в отместку за освобождение Запорожья, на реестровых казаков начинает сыпаться целый ряд ограничительных мер и притеснений. Сейм 1590 года прямо ставит вопрос об обуздании казаков и в этих видах лишает их избирательных прав. Старшина казачья, не исключая и сотников, уже назначается коронным гетманом из польской шляхты (дворянства). Эти меры еще более усиливают общее недовольство казачества. Украина начинает волноваться, и в 1592 году вспыхивает первое восстание Малороссии против Польши. Восстание это оказывается неудачным, и зачинщик его гетман (из польской же шляхты) Косинский предается казни.

Хотя первоначальное устройство Днепровского казачества создавалось, очевидно, по примеру Московской уkraine, однако уже с первых шагов обнаруживается большая разница в ходе развития западной ветви казачества, вызываемая особенностями польско-литовского государственного строя.

Две резких черты отличают Днепровских казаков от их восточных собратьев.

В то время, как вольные казачьи общины Востока, уже с самого возникновения своего, были совершенно независимы от казачества городского, Днепровские казаки, хотя и делятся на свободных запорожцев и на городских – реестровых, все же представляют собой одну массу, одно тело, подобно тому, как в наши дни первоочередные полки составляют одно целое с казаками, живущими на льготе в станицах того же полкового округа. Казаки то живут у себя дома по городам, селам, хуторам и местечкам, то идут «погулять» на Великий Луг, «славы залучати»... А совершив ряд целый удачных походов, возвращаются они снова в родные хаты к своему семейству, где верные жены, окруженные ребятишками, ведут их незатейливое хозяйство. Женщины не допускаются в Запорожскую Сичь. Она не столица нового народа или государства, а только военный стан, укрепленный лагерь.

Совсем не то на Дону, Волге, Яике, Тереке... Идя на «запольные» реки, вольный казак бросал все на своей прежней родине раз навсегда и не возвращался уж больше к покинутому роду-племени. Совершенно новую жизнь начинал он в далеких вольных городках, где обзаводился новой женой, новой домашностью.

Другой отличительной чертой является сословность, духом которой проникнуто западное казачество от начала до конца. Здесь каждый казак разнится от окружающих его представителей других сословий, неся совершенно другие обязанности и пользуясь совершенно особыми правами. Казачество в Польско-Литовском государстве является только средним, полудворянским полукрестьянским сословием, совершенно в роде великорусских однодворцев, – и ничем другим. Поспольшество всякими путями стремится попасть в казаки, а казаки, в свою очередь, всеми правдами и неправдами стараются проникнуть в ряды шляхетства.

И опять-таки совсем не то на Востоке. Правда, Московское городское казачество тоже представляет собой что-то вроде сословия, хотя и не вполне: поместные уездные казаки мало чем разнятся от детей боярских, а безместные полковые почти не отличаются от конных и пеших стрельцов, с которыми впоследствии и сливаются окончательно. Что же касается до вольных казачьих общин, то в них мы на первых порах наталкиваемся, как это было указано в предыдущей главе, на ясно выраженную и последовательно проведенную в жизненный обиход полную бессословность. Все казаки равны между собой, и особыми правами пользуются только должности, а не лица. Нет у них ни панов, ни простолюдинов, ни князей, ни холопов. Вчерашний казак становится станичным, походным или даже войсковым атаманом, а завтра опять возвращается в первобытное состояние и делается снова рядовым казаком, как и был прежде.

И только лишь впоследствии (в XVIII и, особенно, в XIX в.) искусственно, со стороны вносится в казачество сословная рознь, создается пожизненная старшина, начавшая борьбу с остальной казачьей массой и в этой борьбе погубившая бывшие казачьи вольности и права.

К концу же XIX века казачество целиком превращено в своего рода сословие, хотя все-таки живы и в наши дни в сознании народном остатки прежней бессословности: и генерал, и чиновник, и урядник, и рядовой все дома в станице и теперь еще равные братья казаки; и если даже по законам в настоящее время казаки могут принадлежать или не принадлежать к другим сословиям, – дворянскому, духовному, купеческому и т. д., и даже иметь титулы князей, графов и т. п., значит еще и донныне казачество представляет собой не сословие, не «воинскую касту», как это думают и говорят многие по незнакомству со строем казачьей жизни, а своеобразный, только на русской почве создавшийся всесословный общественно-экономический союз, в качестве которого каждое казачье войско владеет землями,

водами, капиталами, пользуется особыми правами и несет пред государством особые обязанности.

V. Казачьи походы

Казаки и бусурмане. Походы Гетмана Богдана 1576–1578 годов. Азовское сидение 1641 года. Морские набеги Донцов и Запорожцев. Казаки на Каспии

Вторая половина XVI века и весь XVII – время наибольшего развития казачьих сил. В эти полтора столетия казачество растет, крепнет, вырабатывает свой строй, завоевывает себе положение крупной государственной силы и совершает длинный ряд изумительных подвигов, создавших казачеству ту громкую боевую славу, которой оно пользуется и донныне.

Героическая отвага, бесшабашная удаль и безумная храбрость казачьих набегов XVI–XVII веков превосходит всякое вероятие.

На своих утлых челнах¹⁹ казаки совершали лихие набеги на отдаленнейшие берега Черного и Каспийского морей. Не страшили казаков ни морские «хуртины», ни многопушечные турецкие корабли. Вооруженные только ружьями и саблями, они смело налетали на турецкие «бусы-галеры»²⁰, брали их врукопашную, истребляли всех сопротивлявшихся, а томившихся на каторгах пленников-христиан отпускали на свободу.

Уже с самого начала казачества мы замечаем в нем большую связь по фронту, чем в глубину. Для общего дела борьбы с мусульманским Востоком собираются казаки с разных вольных рек вместе и заодно предпринимают свои сокрушительные набеги: по Черному морю шныряют Донцы и Запорожцы, вместе грабят они турецкие суда, вместе «шарпают берега» Анатолии, вместе воюют Крым. Как Черкасы (запорожцы) на Дону, так и Донцы в Запорогах – свои люди. Здесь объединяются все казацкие силы Запада и Востока. Постоянные гости на Дону и казаки Волжские, Яицкие, Гребенские. Вместе ходят они в Крым, на Каспийское море, в Персию, Закавказье.

Воюет каждое казачье войско и ближайших своих соседей-врагов: Запорожцы – Буджак и Крым; Донцы – Крым, Азов, Кубанских Черкес и Ногаев; Гребенцы – Черкес, Кабарду, Ногаев, Калмыков и Кумыков; Яицкие казаки – Хиву, Бухару, Киргиз и др. степных кочевников; Сибирцы – «чукчей и олюторов», якут, бурят и т. д.

Всем бусурманам достается отведать на себе бесшабашной казачьей удалы. Все чаще и настойчивее слышатся жалобы турок, крымцев, ногайцев на казачьи набеги. Без этих жалоб не обходятся ни встречи, ни проводы русских послов в Крыму, Кафе, Азове, Царь-Городе.

Около 1550 года Турецкий Султан пишет ногайским князьям: «В наших бусурманских книгах пишется, что русского Царя Ивана лета пришли; рука его над бусурманами высока; уже мне от него обиды великие; поле все и реки от меня поотнимал. Дон у меня отнял, в Азове поотнимал всю волю: казаки его с Азова оброк берут, воды из Дону пить не дадут. А Крымскому царю также обиду делают великую: Перекоп воевали. Русские же казаки Астрахань взяли, оба берега Волги отняли и ваши улусы воюют. Как вы за это стоять не умеете. Казань теперь как воюют!.. А в Казани же наша вера бусурманская. И все мы, бусурмане, сговорились: станем от Русского Царя оборониться заодно».

Однако, все эти «бусурманские сговоры» ни к чему не приводили. Не помогали и вечные жалобы Царю Московскому, сопровождавшиеся просьбой свести казаков с Дона и с Терека. Не надеялись бусурманы ни на быстроходные корабли свои, ни на лучшее вооружение, ни на сильные крепости. Князья и мурзы крымские говорят хану: «Если придет много

¹⁹ Казачьи «струи» (у запорожцев «чайки», или «дубы», в старину «однодревки») имели 6–8 саж. длины, а ширины всего от 1 саж. до 1 1/2.

²⁰ Галерами, или каторгами, назывались большие военные корабли, ходившие на веслах. Бусы – морские торговые суда.

людей на судах, то города их не остановят. Ведь казак – собака: когда и на кораблях приходят на них турецкие стрельцы, то они и тут их побивают и корабли берут».

Оно и понятно. В бою не жалели казаки своих голов, но зато потоками лилась бусурманская кровь. И только благодаря невероятной храбрости казаков, их бесшабашной удали, создалась та слава казачья, которая заставляла врага дрожать уже при одном только имени казака. Казаки пришли – значит все погибло! Спасайся, кто может, а о сопротивлении нечего и думать... Нечего и на милость рассчитывать. Кафа, Козлов, Очаков, Синоп, Трапезонд, даже сам Царь-град, вечно трепетали под угрозой казачьих набегов.

Совершали казаки и сухим путем блестящие походы в глубину бусурманского края. Особенно успешен был поход гетмана Богдана и есаула Нечая в 1576–1578 годах, когда казачья армия победоносно прошла сухим путем вокруг всего Черного моря. Послав есаула Нечая на лодках с 5000 запорожцев, гетман Богдан с остальным войском двинулся прямо на Крым. Разгоняя встречные передовые татарские отряды, он уже приближался к Перекопу, когда навстречу казакам выступил хан Давлет-Гирей со всеми крымскими силами. Произошло жестокое кровопролитное сражение. Более часа шла орудийная пальба. Татары пустили в дело свой резерв – панцирных всадников, но истощив все усилия, ничего не достигли. Казаки, ободренные неудачей противника, с новой решимостью ударили на врага, потеснили его и обратили в бегство. Разгромив крымцев, перебив и перетопив в морском заливе целые тысячи врагов, казаки подступили к стенам Перекопа. Конница обошла Перекопские валы и рвы по воде с фланга, ударила в тыл защитникам. Перекоп был взят: гарнизон, упорно сопротивлявшийся, вырезан, укрепления разрушены, а город предан пламени.

От Перекопа гетман поспешил против Кафы, которую уже обложил с моря Нечай. Недолго продержалась Кафа, – решительным приступом казаки овладели городом, не ожидая опасности с суши. Из Кафы казаки пошли на Бахчисарай и Козлов, куда двинулся морем и Нечай. Видя неминуемую гибель, хан попросил мира. Гетман не стал бить лежачих: освободив всех христиан, томившихся в крымской неволе, он с богатой добычей вернулся в Малороссию, чтобы на следующий год с новыми силами нанести удар уже самому оплоту мусульманства – Турции.

Отправив Нечая опять морем с 3000 запорожцев, гетман Богдан с сухопутным конным и пешим войском прошел Крымские и Донские степи, переправился через Кубань в земли черкесов, признававших над собою главенство Турции, и предал огню и мечу все черноморское побережье. Нечай деятельно содействовал с моря успеху сухопутной армии. Все сокрушая и опустошая на своем пути, казаки прошли Кавказ, разграбили цветущие поселения в окрестностях Трапезузды и Синопа и по всему побережью Анатолии до самого Константинополя. Казаки все-таки не решились штурмовать столицу мусульманского мира и, ограничившись опустошением ее окрестностей, прошли далее через Европейскую Турцию, радушно встречаемые единоверными и единоплеменными болгарами. Уничтожая на всем пути турок, захватывая их крепости и города, казачье войско со славой и несметной добычей возвратилось к родным очагам.

И такой блестящий поход совершили казаки в то время, когда вся Европа трепетала пред грозой непобедимого турецкого оружия. Уж одного этого подвига было бы достаточно, чтобы обессмертить казачью славу в памяти потомства, даже если бы казаки не совершали всех остальных своих бесчисленных и непрерывных набегов.

Ежегодно, не сухим путем, так морем, ходили казаки, то побуждаемые «нуждою великою, голодом и холодом» зипунов добыть, то достать «языка» (пленного) «для подлинного ведомства и прямых вестей», а то и просто ратному делу поучиться, «пороху понюхать». И теперь еще среди казаков держится пословица: «Какая ж кума, коль у кума не была, – какой же казак, коль пороху не нюхал».

Казачество само заботилось о развитии казачьей удали, силы и храбрости. Кроме войны, рыболовства да охоты, казак знать не хотел других занятий. Вспомним приведенное выше (гл. IV) постановление Донского войскового круга о предании смертной казни казаков-землепашцев, «дабы воинским промыслам помешки не было». Казачьи городки держались не крепостью стен своих, а только мужеством защитников. Хоть небогаты и незатейливы были городки казачьи, так как не строили себе казаки хором высоких да украшенных, «дабы не играл на них глаз вражеский», все же до последней капли крови стояли казаки и за свои «щепки».

Впрочем, охотнее бились они в широком морском или степном просторе. «Мы не городомцы, не горододержцы», говорили Донцы Московскому Царю, прося принять от них в дар взятую у турок сильную крепость Азов. «А взяли мы его», говорили они, «для опыту: посмотрим де, что за турецкие люди в городех сидят; и в осаду в нем сели для опыту ж, посмотрим мы турецких умов и промыслов». А между тем и Азовское взятие 1637 года и, особенно, Азовское осадное сидение 1641 года, о котором так шутя отзываются сами герои-казаки, – все дела небывалые и не имеющие себе равных в летописях военных подвигов.

Когда казачьи набеги к началу XVII века достигли своего наибольшего развития, турецкое правительство озаботилось обращением стоявшего в низовьях Дона города Азова в сильную крепость, дабы запретить выход из Дона в море. Как бельмо на глазу стал казакам Азов, лежавший всего в 30 верстах от нижнего казачьего городка. И вот начинается борьба за обладание Азовом, борьба, поглотившая тысячи жертв с обеих сторон и закончившаяся уже только вторым Азовским походом Петра Великого.

Еще в 1634 году Донцы и Запорожцы подступили к Азову, бомбардировали его, разрушили во многих местах стену и едва его не взяли, так как только совершенный недостаток в огнестрельных припасах принудил их отказаться от мысли о штурме и отступить.

Наконец, в начале 1637 года, порешили казаки покончить с Азовцами, «учинить промысел над Азовом» и отнять его у турок. Чувствуя, однако, недостаток в огнестрельных припасах и не надеясь, что Москва пришлет эти припасы для наступательных действий, казаки пускаются на хитрость. Отправляют они посольство в Москву во главе с атаманом Иваном Каторжным с грамотою к Царю, в которой, между прочим, пишут: «в прошлых во многих годах была твоя государская к нам, холопам твоим, милость, жалованье денежное, и сукна, и запасы всякие, а в прошлом 1636 году твоего жалованья не было, а мы помираем голодною смертью, а взять, кроме твоей государской милости, негде. Многие орды на нас похваляются, хотят под наши казачьи городки войною приходять и наши нижние казачьи городки разорить, а у нас свинцу, ядер и зелья (пороху) нету»... Таким образом, не раскрывая своих тайных планов относительно наступления на Азов, казаки просят запасов якобы для защиты своих собственных городков. Просьба их была уважена, и Государь приказал выслать к ним на Дон все необходимое.

А тем временем, пока атаман Каторжный ездил в Москву, на Дону был великий войсковой круг. Низовые городки, начав сборы в поход, послали в верховые (лежащие в верхнем течении Дона) городки и по всем речкам, велели всем быть на съезд в нижний городок. Ввиду предстоящего великого общего дела всем казакам, которые за свои проступки и преступления состояли «в запрещенье от войска», т. е. были лишены казачьих прав, объявлено было полное прощение и забвение вины. Изю всех юртов съехались казаки и приговорили – идти всем войском под Азов, промысел над ним учинить. В это же время прибыло на Дон прямо степью около тысячи Запорожцев, чтобы уговориться идти вместе на море. Узнав о задуманном завоевании самого Азова, Запорожцы постановили присоединиться к Донцам.

В среду на Фоминой неделе, 21 апреля 1637 года, казаки выступили в поход в числе 4400 человек. На Дону на ту пору был проездом в Москву турецкий посол Фома Кантакузин. Его казаки оставили в своих куренях под стражей. Кантакузин сделал было попытку

оповестить Азовцев, чтобы те не сдавались, так как у казаков боевых припасов немного, а из Москвы еще новых не получено, но посланные его были перехвачены, а когда прибыл из Москвы атаман Каторжный с царским «жалованьем», то над Кантакузином был наряжен войсковой суд, на котором он был присужден к смерти и тут же (4 июня) был казнен со всеми своими людьми.

Недолго продержались Азовцы в осаде, – 18 июня крепость взята была приступом, все жители, кроме греков, перебиты, а пленные христиане выпущены на свободу. Казаки занялись приведением в порядок взятого города, а тем временем отправили в Москву посольство с известием, что они турецкого посланника Кантакузина порубили, Азов город взяли и ни одного человека Азовского ни на степи, ни на море не упустили, – всех порубили.

Известие это, с одной стороны, обрадовало Москву, которой, конечно, на руку было падение грозной турецкой крепости, а с другой стороны, Москва оказывалась в очень неловком положении, так как из-за этого дела легко мог произойти разрыв с Турцией, грозивший трудной войной, к которой государство не было готово. Поэтому в сентябре того же года Царь отправил к султану грамоту, в которой, выгораживая себя, писал, что казаки взяли Азов «воровством» (т. е. самовольно, без приказа), что Донские казаки издавна воры, беглые холопы и царского повеленья ни в чем не слушают, а рати Московской послать на них нельзя, потому что живут в дальних местах: «а вам бы, брату нашему, на нас досады и нелюбья не держать за то, что казаки посланника вашего убили и Азов взяли: это они сделали без нашего повеленья, самовольством, и мы за таких воров (беззаконников) никак не стоим, и ссоры за них никакой не хотим, хотя их, воров, всех в один час велите побить; мы с вашим султановым величеством в крепкой братской дружбе и любви быть хотим». Впрочем, без неприятностей дело все-таки не обошлось: в сентябре крымцы под начальством ханского брата Нур-Эддина опустошили Московскую Украину, причем хан Богадур-Гирей писал в Москву, что это делается по приказу султана в отместку за взятие Азова. Однако казаков крымцы тронуть побоялись и даже не сделали ни малейшей попытки отбить крепость обратно.

Что же касается до самого султана Мурада, то как ни взбешен он был потерей Азова, однако предпринимать ничего не решался, так как в то время вел войну с Персией. Когда в 1639 году эта война окончилась, в Турции начались деятельные приготовления к войне с казаками, но смерть Мурада, последовавшая в 1640 году, оттянула дело, и только в 1641 году наследник его Ибрагим I двинул под Азов огромную армию в 240 000 человек при сотне осадных орудий.

Казаков в городе было совсем немного: 5367 мужчин и около 800 женщин, а всего, значит, шесть тысяч с небольшим; казачек тоже надо ставить в счет боевой силы, так как они деятельно помогали защите города. В это же время в Азове находились предводители восстания за освобождение Малороссии от гнета Польши – Остраныця и Гуня со своими товарищами.

Обложив город 24 июля, турки тщетно осаждали его два месяца (по 26-е сентября) и принуждены были, наконец, отступить, потеряв убитыми более 20 000 человек. Казаки послали в Москву в высшей степени любопытное по форме и по содержанию подробное описание своей геройской обороны Азова. Это была оборона, которой не было, нет и не будет равной в мире!..

Шесть тысяч защитников и защитниц выдержали двухмесячную осаду со стороны противника, превосходившего в 50 раз своею численностью, снабженного в избытке артиллерией и всякими припасами²¹, отбили 25 приступов и выдержали бомбардировку, не прекращавшуюся ни днем, ни ночью в течение 16 суток. «И от пушек их гром стоял», пишут казаки,

²¹ У турок было 120 больших осадных пушек, (от одного пуда до двух ядро), 674 полевых пушки и 32 мортиры, тогда как у казаков всего-навсего имелось 12 пушек, и то стрелявших только «дробом» (картечью).

«и огонь и дым топился от них до неба; 16 день и ношей 16 не перемолк снаряд их пушечный ни на единый час. Все наши Азовские крепости распались, стены и башни все и церковь Преподотечева; и палаты все до единые разбили у нас по подошву самую, и снаряд наш пушечный переломали весь. Одна лишь у нас во всем Азове-городе церковь Никола Чудотворца впопы (до половины) осталась; потому ее столько осталось, что она стояла внизу добре, у моря, под гору. А мы от них сидели по ямам все, и выглянути нам из них не дадут... Почали уже они к нам метати в ямы наши ядра огненные, чиненные (фугасные бомбы), и всякие немецкие приступные мудрости. Тем нам они чинили пуше приступов тесноты великие. Побивали многих нас. После тех ядер огненных, вымышляя они над нами умом своим, оставя они все уже мудрости, почали нас осиловать и достигать прямым боем, своими силами: почали они к нам в приступ присылать на всякий день людей своих, янычен (янычар) по 10 000 человек: те уж к нам приступают ночь всю до света. Ни на один час не дадут покою нам: они бьются с переменою день и ночь, чтоб тою истомою осиловать нас. От такого их злого ухищрения и промыслу от бесовского, и от тяжелых ран своих, и от всяких осадных лютых нужд, и от человеческого трупия, отягчали мы все многими болезнями лютыми осадными. А сели в мале дружине своей: уж только стало, перемениться некем; ни на единый час отдохнуть нам не дадут»...

Только закаленное в боях булатное казачье сердце могло перенести все эти несказанные ужасы и до последней минуты пылать твердой решимостью лучше погибнуть всем до единого, чем допустить себя до позора сдачи.

Войско Донское просило Царя принять от казаков Азов, добытый и удержанный с такими жертвами и нечеловеческими усилиями: «Мы наги, босы и голодны», писали они: «запасов пороху и свинцу нету, оттого многие казаки хотят идти врознь, а многие переранены». Царь послал казакам запасов и 5000 руб. денег, относительно же крепости порешил посоветоваться с народом, для чего был созван в январе 1643 года Земский Собор. Когда все дело было доложено Собору, то он постановил передать решение вопроса на благоусмотрение Царя, города же и области выразили готовность не жалеть ни жизни, ни имущества, если потребуется. Посланные для осмотра крепости царские доверенные донесли, что город разбит и разорен до основания, скоро его поправить никак нельзя и от воинских людей защищаться не в чем. Царь порешил, что отстаивать от турок Азов пришлось бы с крайним напряжением всех сил государства, а оно и без того страшно разорено и ослаблено, а потому послал 30 апреля 1643 года казакам грамоту с повелением покинуть Азов. Казаки вышли из города на Махин остров, куда перевезли свои трофеи и запасы, а Азов предали окончательному разрушению, так что турецкая армия, явившаяся для новой осады, нашла на месте грозной крепости только беспорядочные груды развалин.

Как бы то ни было, а казаки добились своего: выход на море был вновь свободен, и снова начался длинный ряд удачных морских набегов.

В море ходили казаки и малыми партиями – стругов по 10, по 15; ходили и целыми флотилиями – в 50, в 70 и до 100 стругов. А в струге человек по 30, по 40 и по 50. Само собой разумеется, что такие отряды, как ураган, сметали все перед собой: села и города обращались в развалины, жилища предавались огню, мужчины «под мечем клонились», а женщин и прочую добычу забирали казаки в свои далекие городки²². Если на обратном пути встречались турецкие военные корабли, то уж трудно было казакам действовать на своих челнах, перегруженных всякой добычей, приходилось идти наутек, пока не заметил враг ныряющих по волнам казацких стругов. Если же уйти уж было невозможно, то приходилось принимать бой в невыгодных условиях, и тогда жестоко доставалось казакам, несмотря на всю их храб-

²² «А злато и серебро», говорят казаки туркам во время Азовского сиденья, «емлем у вас за морем: то вам самим ведомо. А жены себе красные (красивые) и любимые водим и выбираем от вас же из Царя-града».

рость и проворство. Тогда шла на дно морское вся купленная дорогой ценой казачья добыча, а сами храбрецы попадали в руки врагов, продавались в рабство в далекие мусульманские края, или же, прикованные тяжелыми цепями к огромным веслам турецких «каторг», пенили ими волны Черного моря. Тяжка была неволя турецкая. По 20, по 30 лет просиживали казаки в цепях, томились в тюремных подземельях или исполняли самые тяжелые и унижительные работы по прихоти своих повелителей. И проливали казаки горькие слезы, выжидая, когда же придут «братив вызволяти» их удалые товарищи.

Поэтому казаки предпочитали встретиться с неприятельскими кораблями в начале похода, и тогда сами первые нападали на врага. Завидев издали военный корабль, казаки старались занять выгодное для себя положение, становясь от него в стороне солнца. Тогда бесполезны были для турок их грозные пушки: солнце било наводчикам прямо в лицо, в глазах рябило от блестящей морской поверхности, – и о верной стрельбе нечего было и думать. Если же день был неясный, то казаки, прикрываясь мглой, охватывали неприятеля кольцом и устремлялись на него со всех сторон одновременно. Много стругов разлеталось тогда в мелкие щепки под ударами турецких ядер, опрокидывалось и тонуло в морской пучине, но остальные доходили до цели и с первого же налета оставались победителями.

В то время как Донцы и Запорожцы опустошали берега Черного моря, Волжские и Яицкие казаки хозяйничали на Хвалынском (Каспийском), и часто «дуванили» (делили) несметную добычу, собираемую ими по богатым ханствам Закавказья и Персии. Впрочем, в этих набегах принимали участие и Донцы, чаще малыми группами, а иногда в довольно значительных силах, как в 1621, в 1632, в 1641 году и, особенно, в походах известнейшего казацкого атамана Стеньки Разина. Еще и донцы сохранились в низовьях Куры остатки огромной казацкой крепости, служившей главной опорой для Разинских удальцов с Дона, Волги и Яика, с которыми он в 1668—69 годах опустошал персидское побережье Каспия от Дербента и Баку до Решта и Фарабада. Напрасно персидский шах выслал против Разина свой флот с 4000 войска. Разин разогнал во все стороны персидские корабли и поперетопил их почти все: только три судна спаслись бегством. С ними бежал и неудачный персидский флотоводец Менеды-хан, дочь которого в числе прочей добычи досталась в руки победителей казаков, со славой и богатой добычей возвратившихся в свои городки.

VI. Историческое значение казачества. Оборона границ и расширение пределов

Казаки – передовые бойцы и разведчики. Покорение Сибири. Открытие новых земель на Дальнем Востоке. Казаки на Амуре. Первые дела с Китаем. Твердость казачья в деле защиты границ

Чем шире разливалось русское народное море на юг и на восток, тем все дальше и дальше в глубь неведомых стран проникали казачьи отряды. И при этом поступательном движении Русского государства, казаки сыграли роль огромной важности и значения. Они всюду являлись первыми вестниками наступающей власти Белого Царя. Судьбы казачества и государства тесно сплетались. Уходя за пределы государственной власти, казаки все же силою вещей, волей-неволей служили государству великую службу. И чем дальше в глубь степей и таежных дебрей забирались казаки, тем скорее шагала по пятам их государственная власть, и за спиной вольных казачьих «станец» рубились царские города, ставились «остроги», возводились укрепления, распоряжались царские воеводы. Вся тяжесть и все превратности передовой борьбы принимало на свою богатырскую грудь казачество, а плодами казачьих трудов целиком воспользовалось государство.

Мы выше уже видели, что казаки служили Царю не только как вооруженная сила: они являлись и первыми дипломатическими агентами, первыми посредниками в международных сношениях Руси с Востоком. Через их руки проходят царские грамоты, с их помощью ведутся переговоры с Ногаями, Крымом, Турцией и Персией. Даже и в отдаленном Китае казакам суждено было сыграть роль первых посредников между Богдыханом и Белым Царем.

Начало завоевания Сибири и присоединения к России всей Северной Азии было положено, как это всем известно, славным атаманом казачьим, Ермаком Тимофеевичем. Напомним в кратких словах главные моменты этого великого события.

Во второй половине XVI века в Северном Приуралье, в Закамском краю, основались именитые торговые люди промышленники Строгановы. Они вели там обширную торговлю с соседними инородцами, вываривали соль и занимались различными промыслами. По всей округе ходили их караваны с товарами, а в удобных местах строили Строгановы городки, в которых вели торг с туземцами. Для охраны своих караванов и складов Строгановы держали свою собственную стражу, набиравшуюся из охочих вольных людей.

Вот к этим-то Строгановым и явился около 1578 года атаман Ермак со своей казачьей дружиной. Однако недолго прожили удалые товарищи Ермака на купеческих хлебах. Их буйная сила требовала большого простора, где бы можно было развернуть свою удаль во всю ширину. И вот в 1580 году вольная казачья дружина, числом до 500 человек, получив необходимые боевые припасы от Строгановых, двинулась под предводительством своего отважного атамана за Уральский хребет. В следующем же году казаки занимают столицу Сибирского царя Кучума – город Искер (или Сибирь), находившуюся близ впадения реки Тобола в Иртыш, где ныне город Тобольск.

Основавшись в Сибири, казаки отправили к Царю Ивану Грозному посольство с предложением принять от казаков завоеванную ими страну, а сами тем временем деятельно занялись дальнейшим покорением инородческих племен. Во время одного из таких походов, когда казаки в бурную ночь спали на берегу Иртыша, на них неожиданно напал Кучум, и беспечные казаки были перебиты прежде, чем успели схватиться за оружие. Сам атаман, защищенный железным панцирем, отчаянно отбивался от окруживших его врагов, но видя превосходство сил, бросился в воду, пытаясь вплавь добраться до стоявших среди Иртыша

казачьих стругов. Однако латы, спасшие Ермака от ударов татарского оружия, сами погубили его, потянув своею тяжестью на дно реки.

Не стало славного Ермака, покорителя Сибири, но мужественные сотоварищи его продолжали начатое им великое дело. Все шире и шире «раздвигали они предел порубежный и твердою грудью заслоняли своей». Открывая все новые и новые страны, казаки Мангазейские, Тобольские, Сургутские, Томские, Енисейские, Якутские во всех направлениях рыскали по сибирским тайгам, тундрам, рекам и горам, собирая «ясак» Белому Царю с бесчисленных народцев: бурят, тунгузов, даурцев, баргутов, якутов, юкагиров, чукчей, каряков, камчадалов и т. д. В 1637—38 годах Енисейские казаки по Лене доходят до Северного Ледовитого океана и начинают исследование его побережья. В 1639 году впервые появляются русские казаки на побережье Великого океана в Охотском море, и через 10 лет отважный Семен Дежнев, всего с 25 казаками, на лодке выходит для открытия земель из Нижне-Колымска, огибает восточную оконечность Азии – Чукотский Нос и первым из европейцев проходит через морской пролив, разделяющий Азию от Америки²³.

За вольными казаками-охотниками следом идут, как повелось, государские служилые люди. Немедленно по получении от Деженева сведения о новых землях, богатых рыбой и моржовым зубом, из Якутска посылается стрелецкий сотник утвердить власть Великого Государя в новой землице и установить порядок в промыслах, с соблюдением казенного интереса.

Около того же времени появились казаки и в пограничном с Китаем Приамурье. В 1643–1644 годах первый проходит по Амуру до самого устья Василий Поярков, прошедший с партией в 133 человека из Якутска вниз по р. Лене, в приток ее Алдан, а по нему – к притоку Амура, р. Зее. Из Амурского устья Поярков вышел в Охотское море, откуда уже сухим путем пробрался снова к Алдану. Вернувшись в 1646 году из этого тяжелого и опасного похода, в котором от голода и в битвах потерял более половины товарищей, Поярков представил богатый «ясак» и описание вновь открытых стран. «Там в походы ходить», пишет он, «и пашенных хлебных сидячих людей под царскую высокую руку привести можно, и в вечном холопстве укрепить, и ясак с них собирать, – в том Государю будет прибыль, потому что те землицы людны, и хлебны, и собольны, и всякого зверя много, и хлеба водится много, и те реки рыбны, и государевым ратным людям хлебной скудости ни в чем не будет».

В 1649 году идет в Амурский край новый исследователь Ерофей Хабаров с 70 товарищами. Поднявшись из Якутска вверх по р.р. Лене и Олекме, он вышел на Амур значительно выше, чем Поярков. Идя вниз по Амуру, Хабаров нашел богатые и благоустроенные города Даурского князя Лавкая. Ознакомившись с богатством Даурии и находя свои силы недостаточными для полного ее покорения, Хабаров оставил на Амуре своих товарищей, а сам в 1560 году возвратился в Якутск, откуда в том же году, взяв с собою отряд в 200 человек вольных и служилых людей, при 3 пушках, пошел опять в Даурию. Дауры встретили его на этот раз с оружием в руках, но Хабаров разбил их и занял их город Албазин. Неоднократные попытки туземцев выбить завоевателей из Приамурья не привели ни к чему. Тогда Дауры обратились за помощью к Китаю, и вот весной 1652 года под занятый казаками Ачанский городок подступило многочисленное войско Китайского Богдыхана. Хотя Манчжуры были вооружены пушками и ружьями, однако перевес все-таки остался на стороне храбрейших.

Вот как рассказывает об этом первом столкновении Руси с Китаем Хабаров: «Марта в 24 день, на утренней заре, сверх Амура реки славные ударила сила из прикрыта на город Ачанский, на нас, казаков, сила Богдойская, – все люди конные и куячные (панцирные). И наш казачий Есаул закричал в город Андрей Иванов, служилый человек: “Братцы казаки!

²³ Этот пролив и прилегающее к нему море впоследствии получили имя немца Беринга, побывавшего в этих водах более чем на 100 лет позже казаков Деженева, но, тем не менее, присвоившего себе честь первого открытия.

вставайте наскоре и оболочайтесь в кюяки крепкие!»... И метались казаки на город в одних рубашках на стену городовую, и мы, казаки, чаяли из пушек, из оружия бьют казаки из города, – ажно бьют из оружия и из пушек по нашему городу казачью войско Богдойское. И мы казаки с ними, богдойскими людьми, с войском их, дрались из-за стены с зари и до схода солнца. И то войско богдойское на юрты казачьи пометалось, и не дадут нам, казакам, в те поры пройти через город; а богдойские люди знаменами стену городовую укрывали; у того нашего города вырубили они, богдойские люди, три звена стены сверху до земли. И из того их великого войска богдойского кличет Князь Исинея царя Богдойского и все войско богдойское: “Не жгите и не рубите казаков, – емлите их, казаков, живьем!”... И толмачи наши те речи князя Исинея услышали и мне Ярофейку сказали. И слыша те речи у князя Исинея, оболочали мы все казаки на ся кюяки и яз (я) Ярофейко, и служилые люди, и вольные казаки, помолясь Спасу и Пречистой Владычице нашей Богородице и угоднику Христову Николаю Чудотворцу, промеж собою прощались и говорили то слово яз Ярофейко и Есаул Андрей Иванов, и все наше войско казачье: “Умрем мы, братцы казаки, за веру крещеную и постоим за дом Спаса и Пречистыя и Николая Чудотворца, и порадеем мы казаки Государю и Великому Князю Алексею Михайловичу всея России и помрем мы казаки все за один человек против государева недруга, а живы мы, казаки, в руки им, богдойским людям не дадимся”... И в те стены проломные стали скакать те люди Богдоевы, и мы казаки прикатили тут на городовое проломное место пушку большую медную и почали из пушки по богдойскому войску бити, и из мелкого оружия учили стрелять из города, и из иных пушек железных бити ж стали по ним, богдойских людях. Тут и богдойских людей и силу их всю, Божиею милостью и Государским счастьем, и нашим радением, их, собак, побили многих. И как они, богдои, от того нашего пушечного бою и от промыслу отшатились прочь, и в та поры выходили служилые и вольные охочие казаки 156 человек в кюяках на вылазку богдойским людям за город, а пятьдесят человек осталось в городе. И как мы к ним, богдойским людям, на вылазку вышли из города, и у них, богдоев, тут под городом приведены были две пушки железные, и Божиею милостию и Государским счастьем те две пушки мы, казаки, у них, богдойских людей и у войска отшибли. И у которых у них, богдойских людей, у лучших воитинов огненно оружие было, и тех людей мы побили и оружие взяли. И нападе на них, богдоев, страх великий: покажись им наша сила несчетная, – и все достальные богдоевы люди от городу и от нашего бою побежали врознь. А круг того Ачанского города смечали мы, что побито. Богдоевых людей и силы их 676 человек наповал, а наши силы казачьи от них легло от богдоев 10 человек, да переранили нас, казаков, на той драке 78 человек».

Так умели стоять за Царя и отечество, за церкви Божия да за славу свою молодецкую казаки на далекой восточной окраине.

«Лучше смерть, чем позор сдачи» – в один голос говорят казаки на всех своих заставах богатырских, по всему казачьему фронту от Амура через Яик, Терек и Дон до славного оплота Днепровского казачества – Запорожской Сичи.

Мужественная защита Ачанского городка Амурскими казаками, в 1652 году, геройская оборона Гребенцов в своем Сунженском остроге от полчищ Шамхала Тарковского в 1651 г., беспримерное в истории «Азовское сидение» Донских казаков в 1641 году и гордый ответ запорожских казаков турецкому султану Махмуду IV в 1674 году, – это все дела одного и того же времени, – половины XVII века, времени расцвета казачьих сил, которые, накопившись, искали себе выхода на широкий простор...

VI. Историческое значение казачества. Присоединение Малороссии

Католичество и православие в Западной Руси. Уния. Выступление казачества. Гетман Наливайко. Новые бедствия Малороссии. Тарасова ночь. Жестокость поляков при казни народных вождей. Богдан Хмельницкий. Переяславская Рада

Не только далекие чуждые страны и земли добывало казачество для Великого Русского Государства, тому же казачеству обязано наше отечество и возвращением коренной русской области – Киевской Руси, попавшей под тяжелое польское иго.

Когда Малая Русь подчинилась Литовским Великим Князьям, то первое время русским хорошо и свободно жилось под властью Литвы. О каких бы то ни было стеснениях или преследованиях не могло быть и речи. Литовцы и русские жили друг с другом как родные братья, – как вольный с вольным, равный с равным. Русский язык был господствующим в Западном крае, и даже свод литовских законов («Литовский Статут») был написан не на литовском, а на русском языке.

Но со времени соединения Литвы с Польшей (1569) дело начинает принимать совершенно иной оборот.

Причиной этому прежде всего послужила религиозная рознь. Польское государство приняло христианскую веру с Запада, от Латинской церкви, а потому духовным главою своим считало римского папу (патриарха).

Между тем русский народ получил наставление в вере с Востока, из Константинополя, от Греческой церкви. Еще в XI веке Восточная и Западная церкви стали друг к другу во враждебные отношения из-за вопроса о подчинении: Римские папы настаивали, чтобы все христианские церкви признали Рим своей главою, потому что в Риме умер Апостол Петр, которому вручил Господь ключи Царства Небесного. Так как патриархи Восточной церкви не пожелали ставить себя в зависимость от пап, то между западным и восточным христианством, между римско-католичеством и греко-православием возникла смертельная вражда.

Понятно, что после соединения Польши с Литвой римское духовенство, пользовавшееся в Польше наибольшим влиянием, с неудовольствием стало смотреть на права, предоставленные в Литве православному духовенству. Началась сперва тайная, а затем и открытая борьба за вероисповедание. Католики требовали, чтобы православные, которых они именовали «схизматиками», т. е. раскольниками, еретиками, отказались бы от своей «ереси», приняли бы обряды латинской церкви и признали бы своим духовным главою римского папу. Конечно, ни православный русский народ, ни тем более духовенство на это не могли согласиться. Тогда католические ксендзы и епископы стали настойчиво добиваться того, чтобы права православного духовенства были бы ограничены. Обиженный этим русский народ еще крепче привязался к своему вероучению.

К религиозным спорам присоединились еще и другие обстоятельства, обострявшие польско-русские отношения. Польская знать стала приобретать себе поместья в Малороссии, и при этом коренное местное русское, искони свободное «поспольство» (простонародье) постепенно обращалось в «хлопов» (крепостных), в собственность польских панов.

Таким образом уже к концу XVI века мы находим в Западной Руси две враждующих между собой стороны: польско-католическую – помещики, войско, чиновники – и русско-православную – сельчане, казаки и горожане.

В 1596 году группа православных епископов и священников, желая получить права, равные с католическим духовенством, придумала так называемую «унию» – соединение православия с католичеством, сущность которого сводилась к тому, что «униаты» могли по-

прежнему исполнять обряды восточной церкви, молиться на своем языке, а не на латинском, но признавали римского папу главой православной западнорусской церкви. Однако за униатами пастырями не последовала их паства, и «уния» вместо успокоения внесла только большую вражду и ярость в религиозный спор. Униаты стали употреблять все меры для утверждения унии, не гнушаясь даже насилиями и зверствами: опираясь на сочувствие и помощь католиков, они захватывали в свои руки православные храмы и монастыри, арестовывали и истязали православных священников. Православный народ заволновался...

А тут еще подоспел казачий вопрос. Мы уже видели выше (гл. IV), как польское правительство к концу XVI века начинает принимать меры к ограничению и ослаблению казачьих вооруженных сил, начинает свободных дотоле реестровых казаков обращать в крепостных хлопков. Русскому народу приходилось с оружием в руках отстаивать свои права и свою свободу, попираемые угнетателями ляхами и их пособниками отступниками – униатами. И кровавая борьба началась.

Еще в 1592 году поднялись было казаки под предводительством гетмана Косинского. Но этот гетман сам был природный поляк, а потому не пошло за ним так казачество и народ русский, как пошли бы за вождем соплеменником. Когда же начались зверства униатов, такой вождь отыскался. Это был гетман казацкий Павел Наливайко, избранный в гетманы казаками на «раде» в Чигирине в 1596 году. И хотя это избрание произошло вопреки запрещению польского правительства, однако Наливайко начал с того, что обратился к королю польскому с просьбой утвердить его избрание и подкрепить своим королевским словом прежние права и свободы русского народа. Но король в Польше не имел уже никакой силы: всеми государственными делами самовластно распоряжались окружавшие короля «магнаты» (вельможи), исполнявшие все свои прихоти королевским именем. Поэтому, несмотря на полную справедливость и законность требований гетмана, правительство двинуло против него войска. Стал собирать свои силы и Наливайко. Под Чигирином, на берегу р. Тясмина, он расположился укрепленным лагерем, выставив на кургане три белых хоругви с надписями: «Мир христианству, а на зачинщика Бог и Его Крест». Поляки против знамен воздвигли три виселицы и, повесив на них трех казацких старшин – Богуна, Войновича и Сутыгу, сделали над ними надпись: «Кара бунтовщикам».

Некоторое время враги стояли друг против друга, выжидая. Наконец поляки первые перешли в наступление. Однако опытный вояка был Наливайко: послав лучшую часть своего войска в обход, он произвел переполох в польском стане и тогда ударил с фронта. Жестоко бились казаки, горя желанием отомстить за поруганных старшин своих. Не выдержали кичливые ляхи дружного натиска и обратились в бегство. И справили казаки в Тясминской битве первую свою кровавую тризну по мученикам за веру и свободу: более 17 000 польских воинов легло в этой сече.

Одержав столь блестящую победу, Наливайко деятельно принялся за очищение Малороссии от поляков и униатов. Отправив полковника Лободу с частью войска вверх по Днепру, он с остальными казаками двинулся на Запад. В три с половиной месяца вся Малороссия была очищена от врагов и угнетателей народных. Кто не успел уйти, были перебиты без всякого сожаления. Оказывавшие сопротивление замки, крепости и даже целые города (Могилев, Слуцк) были выжжены и разорены дотла.

Над Случью снова встретился Наливайко с польскими войсками. Уже сбавили ляхи спеси своей: теперь они сами окопались и ждали нападения казаков. Как только оба казацких отряда (гетмана и Лободы) соединились, казаки начали приступ. Четыре дня они атаковали сильно укрепленную и удобную позицию польского войска и уже выбили врага из передовых укреплений, когда на место битвы явились посланцы короля и его именем велели прекратить побоище, а польским военачальникам передали приказ заключить с Наливайкой вечный мир

на условиях полной амнистии (забвения вины восставших) и признания за русским народом всех дарованных прав и свобод.

Не желая напрасного кровопролития и получив исполнение своих требований, Наливайко заключил мир и, вернувшись на Украину, принялся за приведение в порядок разоренной страны. Но польское правительство, принужденное силой к уступкам, было далеко от мысли считать спор окончанным и, затаив на время свою злобу, только ожидало удобного случая снова отнять у народа дарованные королем права. А пока оно все-таки выместило свою злобу на вождях народных. В том же году на Общий Сейм поехали и депутаты казацкого войска – полковник Лобода, судья Мазепа и сотник Кизим. С ними поехал в Варшаву и сам герой народного восстания, гетман Наливайко, чтобы лично засвидетельствовать королю свою верноподданническую покорность. Но, несмотря на обещание короля, несмотря на торжественно данную амнистию, все четверо были немедленно же по приезде заключены в тюрьму, а через три дня преданы ужасной, небывалой еще до того по своей жестокости казни: Наливайку с товарищами посадили в медного быка и сожгли на площади на медленном огне...

И это зверство прошло безнаказанно. Не всколыхнулись народные массы, не загорались сердца русские жаждой мести за мученическую гибель борцов за народную свободу: дарованные права и преимущества пока еще признавались польскими властями, и народ чувствовал себя спокойно.

Впрочем, недолго.

Мало-помалу опять все повернулось по-старому: вновь захватили поляки всю Украину в свои руки, начались снова прежние притеснения и жестокости. По всей Украине расположились польские войска, грабя и избивая жителей, насилуя женщин и даже детей. Паны-помещики, в возмещение понесенных во время восстания убытков, увеличили свои поборы и, опираясь на силу польских отрядов, стали все имущество сельчан признавать своей собственностью. Недовольные таким беззаконием предавались пыткам, истязанию и смертной казни. Католические ксендзы ездили в повозках, запряженных людьми, по двадцати и более человек в цуг.

А всего горше было русскому народу издевательство над верой православной, превосходившее всякие границы. «Церкви несоглашавшихся на унию прихожан», говорит современный летописец, «отданы жидам в аренду, и положена в оных за каждую отправку денежная плата от одного до пяти талеров, а за крещение младенцев и за похороны мертвых от одного до пяти золотых. При всякой требе христианской итти к жиду, торжиться с ним и по важности отправки заплатить за нее и выпросить ключи, а жид при том, насмеявшись довольно богослужению христианскому и перехуливши все христианами чинимое, называя его языческим, или “гойским”, приказывал ктитору возвращать ему ключи с клятвою, что ничего в запас не отправлено». Святые Пасхи были обложены податью, и откупщики-евреи, собирая подать, клали на пасхах углем или мелом свои заметки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.